

№1113 2013 30 октября

Эта памятная дата установлена не государством. Тридцатое октября объявили Днем политзаключенного сами узники политических лагерей, боровшиеся за свободу и победившие в этой борьбе. Решение Верховного Совета России от 18.10.1991 г. внесло его в государственный календарь под названием «День памяти жертв политических репрессий». Но это было лишь признанием уже одержанной победы

О ТАК НАЗЫВАЕМЫХ ПРОКУРОРСКИХ ПРОВЕРКАХ

30 апреля прокуратура вынесла представление Правозащитному центру «Мемориал», требуя от него зарегистрироваться в качестве иностранного агента. По мнению надзорного ведомства, организация, получая финансирование из-за рубежа, занимается политической деятельностью.

ЗАЯВЛЕНИЕ ПРАВЛЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ОБЩЕСТВА «МЕМОРИАЛ»

26 апреля 2013 г.

С начала марта по всей России катится волна «комплексных прокурорских проверок» неправительственных организаций. К сегодняшнему дню этим проверкам подверглись около 600 организаций, объединений, независимых ресурсов и экспертных центров, негосударственных образовательных и просветительных учреждений и т.д. по крайней мере в 50 регионах.

«Комплексность» проверок означает, что прокуроры являются не одни, а в компании представителей самых разных ведомств: управлений юстиции, налоговой службы, иногда — органов внутренних дел, МЧС, ФСБ, Роспотребнадзора, пожарной охраны и т.д. — и под эгидой прокурорской проверки каждое ведомство проверяет организацию по своей линии.

В нарушение Закона о прокуратуре эти проверки учиняются без каких-либо внешних поводов. Формулировки, записанные в постановлениях о проведении проверок, разнятся между собой; чаще всего в этих предписаниях не мудрствуя лукаво пишут: «на предмет проверки соблюдения действующего законодательства» — законодательства вообще, без всякой детализации.

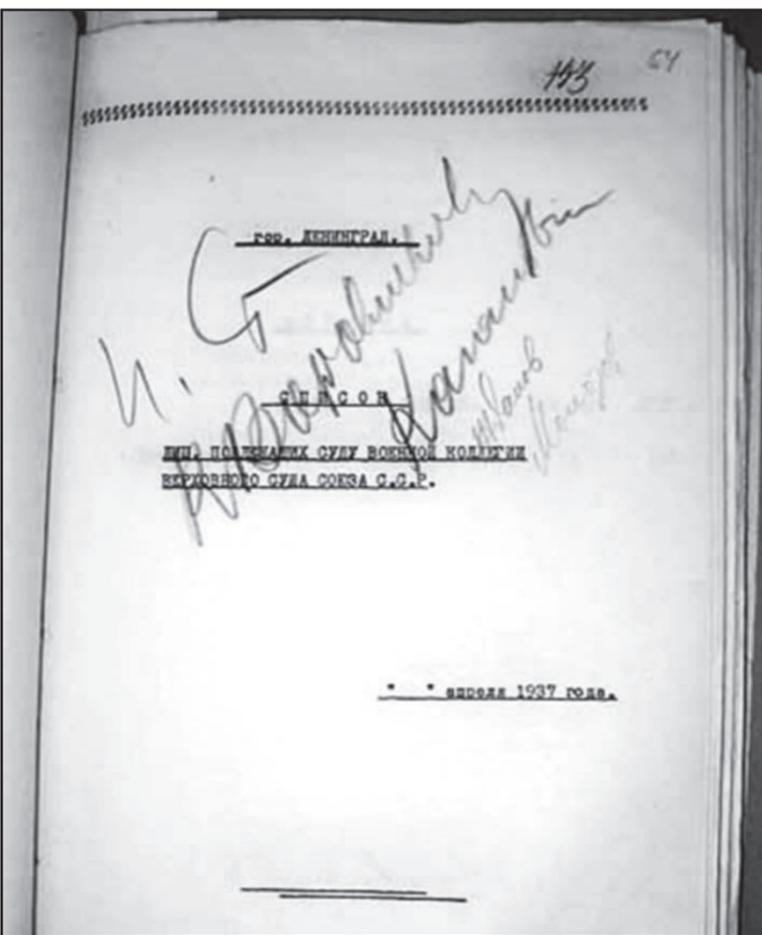
У каждой организации требуют копии документации, касающейся всех сторон ее жизни и деятельности: уставные документы; стенограммы отчетно-перевыборных съездов; протоколы всех заседаний руководящих органов; отчеты ревизионных комиссий; всю финансовую документацию; материалы, подтверждающие содержание деятельности организации; все документы, связанные с трудовыми соглашениями, и т.д. — вплоть до журнала учета прививок кори штатным сотрудникам организации (последнее — не анекдот, а реальный случай при проверке одной из петербургских организаций). Общий объем запрашиваемой документации — это многие сотни (а часто тысячи) листов бумаги на каждую организацию. Каким образом прокуратура будет все это проверять и хватит ли у нее теперь времени на какую-нибудь иную деятельность, — например, на борьбу с коррупцией в государственных структурах, — остается для нас загадкой.

Окончание на с. 2 >

43 ТЫСЯЧИ ИМЕН

5 марта, в шестидесятую годовщину даты, считающейся официальным днем смерти Сталина, в агентстве Интерфакс прошла пресс-конференция, темой которой стала публикация Международным «Мемориалом» в сотрудничестве с Российским государственным архивом социально-политической истории (РГАСПИ), Архивом президента Российской Федерации и Российской объединенной демократической партией «Яблоко» на CD-диске нового издания так называемых сталинских расстрельных списков — списков людей, осужденных в период Большого террора к разным мерам наказания по личному приказу Сталина и его ближайших соратников по политбюро ЦК ВКП(б).

В новую версию диска вошли имена 43,5 тысяч осужденных Военной коллегией, из них около 33 тысяч имен снабжены биографической справкой с указанием точной даты расстрела. Списки воспроизведены не только в текстовом виде, но и в виде фотокопий.

Открывший пресс-конференцию председатель правления Международного «Мемориала» Арсений Рогинский подчеркнул, что публикация «сталинских списков» в виде фотокопий снимает все вопросы об их подлинности. «Никто не может сказать: «этого не было», — сказал он.

По словам председателя правления Международного «Мемориала», в новое издание списков добавлены сведения биографического характера. Примерно 33 тысячи из 43,5 тысяч фигурантов списков обрели свою биографию.

Сопредседатель «Московского Мемориала», руководитель проекта Ян Рачинский подчеркнул, что списки — источник, который абсолютно ясно доказывает непосредственную роль Сталина и партийной верхушки в развертывании репрессий в стране. Он отметил, что Сталин тщательно просматривал списки, оставляя выразительные пометки. Например, напротив фамилии своего бывшего друга Аделя Енукидзе Сталин написал «Подождать пока!», что подарило Енукидзе несколько месяцев жизни.

Я.Рачинский отметил, что «сталинские списки» могут послужить хорошим подспорьем для региональных историков. «Их изучение могло бы дать ценный материал

На снимке: фрагмент документа из «Расстрельных списков»

Продолжение на с. 3 >

ДЕЛО «ВРАЧЕЙ-УБИЙЦ»: 60 ЛЕТ СПУСТЯ

60 лет назад завершилась одна из последних сталинских фальсификаций — дело «врачей-убийц». 3 апреля 1953 г., через месяц после смерти Сталина, почти все врачи, арестованные по обвинению в заговоре и убийстве пациентов из Кремля, вернулись домой со справками о реабилитации. Однако советской медицине был нанесен озорный урон. 3 апреля 2013 г. в конференц-зале Международного «Мемориала» собрались дети и внуки участников тех событий, врачи, историки, журналисты, чтобы вспомнить и рассказать о временах репрессий. Как выяснилось, и через полвека дело «врачей-убийц» во многом остается загадкой.

Наталья Яковлевна Рапопорт, дочь известного патологоанатома Якова Львовича Рапопорта, арестованного по «делу врачей», открывая встречу в «Мемориале», высказала мнение, что оно началось как личная месть Сталина своему лечащему врачу Владимиру Виноградову. «Осмотрев Сталина, Виноградов пришел к заключению, что тот перенес множественные мелкие инсульты и должен отойти от политической деятельности, по крайней мере на время. Сталин, услышав этот вердикт, рассвирепел, пришел в ярость, закричал:

«В кандалы его! В кандалы!» — и тут выплыл донос Тимашук», — рассказывает Наталья Рапопорт.

Лидия Тимашук была специалистом по электрокардиографии. В 1948 г. ее вызвали в санаторий на Валдае к больному Жданову. «Его лечили четыре врача: Виноградов, Василенко, Егоров, Майоров. Тимашук считала, что у больного инфаркт, а четыре корифея инфаркт не признавали и вели его не как инфарктного больного. Жданов умер. И Тимашук написала донос, который пошел в Министерство здравоохранения и МГБ, о том,

что Жданова лечили вредители. На вскрытие поехал академик Абрикосов. Он подтвердил, что никакого инфаркта не было. Письмо Тимашук легло на стол Сталину. Он его прочитал и написал: «В архив». С 1948 по 1952 г. письмо пролежало в архиве, ожидая своего часа», — сказала Наталья Рапопорт, отметив, что никто из упоминавшихся в доносе не был евреем, но потом по инициативе следователя Михаила Рюмина дело из медицинского перекатилось в еврейское русло.

Иностранцы шпионы и сионистские агенты

13 января 1953 г. газета «Правда» опубликовала статью «Подлые шпионы и убийцы под маской профессоров-врачей», в которой сообщалось об аресте «участников террористической группы» Мирона Вовси, Михаила Когана, Александра Фельдмана, Александра Гринштейна, Якова Этингера и других. Всех их обвинили в том, что они «завербованы филиалом американской разведки — международной еврейской буржуазно-националистической организацией «Джойнт». Грязное лицо этой шпионской сионист-

В НОМЕРЕ:

«Деятельность, несовместимая с...» с. 6

По Енаторинбургу «сталинобусы» больше не ездят с. 8

Внутренняя тюрьма НКВД Хабаровска прячет свои секреты с. 9

Украина: просвещение заключенных и раскрытие архивов с. 10

ской организации, прикрывающей свою подлую деятельность под маской благотворительности, полностью разоблачено».

По мнению большинства исследователей, дело врачей было частью масштабной кампании «по борьбе с безродным космополитизмом».

Об этом же сказал и вице-мэр Москвы врач Леонид Печатников, выступая на встрече в «Мемориале»: «Дело врачей» в том виде, в котором оно было затеяно, с самого начала носило яркий антиеврейский характер. Оно было затеяно как антисемитское дело. Было дело врачей довоенное, когда погибли Бехтерев, Плетнев — оно, как и все репрессии 1937–1938 гг., не носило национального характера. Репрессии, начиная с 1948 г., с момента убийства Соломона Михоэлса, двоюродного брата профессора Вовси, были государственной антисемитской кампанией. Все это сопровождалось «замечательным» письмом наших писателей, которые говорили, что виноваты и надо бы нас переселить в уже готовые бараки на Дальнем Востоке...»

Аресты по «делу врачей» продолжались с 1951 по 1953 г. Причем

Окончание на с. 4 >

➤ Окончание. Начало на с. 1

Кое-где проверяющие не только требуют документы, но и пытаются «осматривать» помещение и «опрашивать» сотрудников — действия абсолютно незаконные, если они не подкреплены соответствующими постановлениями, повестками и иными документами, предусмотренными законодательством.

Одновременно на нескольких центральных каналах телевидения развернулось пропагандистское обеспечение операции: в эфир были запущены репортажи, ток-шоу и другие передачи, нацеленные на дискредитацию НПО.

Причина происходящего — ни для кого не секрет. Генеральная прокуратура предписала своим региональным подразделениям начать массовую проверку неправительственных организаций вскоре после февральских выступлений президента Путина перед руководством правоохранительных органов. Президент был недоволен тем, что новые законы об общественных организациях не работают. Совсем недавно В.В.Путин открыто подтвердил, что речь идет о так называемом законе об

любых независимых общественных структур: творческих ассоциаций, научных обществ, религиозно-философских кружков, клубов по интересам и т.д. В частности, были огосударвлены или ликвидированы все без исключения общественные движения и организации, от кооператоров и краеведов до шахматных клубов и литературных объединений.

Все, что осталось, подверглось унификации: различные независимые группы, работающие в одной и той же области деятельности, насильственно сливались в единую структуру, полностью подконтрольную государству. Именно так в СССР были созданы «творческие союзы» — писателей, художников, архитекторов, композиторов и т.д.; еще раньше такая же участь постигла профсоюзное движение, заглавное в ВЦСПС.

В эти же годы пропаганда настойчиво внедряла в массовое сознание примитивный двуединый миф: о внешнем враге — капиталистическом окружении и о враге внутреннем — действующем в СССР контрреволюционном подполье, направляемом из-за рубежа. Своей кульминации эта про-

паганда достигла в 1936–1938 гг., в эпоху Большого террора; к этому времени разрушение гражданского общества было в основном завершено.

Первые попытки возродить в СССР независимую коллективную инициативу — гражданскую, культурную, правозащитную, религиозную, благотворительную и т.д. — относятся уже к 1960-м. Эти попытки, известные миру под названием диссидентского движения, встретили крайне враждебную реакцию власти, которая тут же объявила, что диссидентские общественные группы не что иное, как замаскированная политическая оппозиция, направляемая из-за рубежа. В этой реакции неприятие властью самой идеи гражданской независимости, сформировавшееся еще в 1920-е годы, соединилось с мифологией Большого террора 1930-х годов. Не заставили себя ждать и репрессии — не такие жестокие, как в сталинскую эпоху, но все же достаточно суровые. Десятки активистов независимых общественных ассоциаций, от участников творческого объединения СМОГ и авторов неподцензурного альманаха «Метрополь» до членов Инициативной группы защиты прав человека, Московской Хельсинкской группы и активистов Русского общественного фонда Солженицына, оказались в изгнании либо в лагерях, ссылках, психушках. А советские СМИ клеймили отщепенцев и наймитов Запада так же гневно, как и нынешние; правда, в те времена они делали это более дружно.

История повторяется. Когда в начале 2000-х годов нынешняя власть стала проводить инвентаризацию подведомственной ей страны, она с некоторым беспокойством обнаружила на ее просторах немалое число независимых групп, занятых тем или иным делом: просветительными, образовательными и научными проектами, защитой прав человека, общественной экспертизой тех или иных начинаний правительства, мониторингом состояния окружающей среды, проблемами мигрантов и заключенных, наблюдением за выборами и т.д. До поры до времени особого недовольства не вызывали ни сами эти занятия, ни то, что работа многих групп обеспечивалась спонсорской поддержкой зарубежных благотворительных фондов. Однако их неза-

висимость, их неподконтрольность государству уже тогда воспринималась властью как проблема. Чтобы разобраться с этой проблемой, был сначала испробован старый рецепт 1920–1930-х годов: общественные структуры попытались если не встроить в государственную вертикаль, то, по крайней мере, превратить их в дополнительный ресурс власти, в «приводные ремни» для исполнения государственной воли. Это казалось тем более легким, что почти все общественные организации искренне стремились к конструктивному сотрудничеству с государством, включающему, разумеется, ответственную критику. Увы, вскоре выяснилось, что все-таки ни о каком сотрудничестве речь не идет, что критику власть по-прежнему воспринимает не как неотъемлемую часть сотрудничества, а как проявление политической оппозиционности и что от гражданских структур требуются, прежде всего, уверения в благонамеренности.

Романа с гражданским обществом на этих условиях у власти не получилось. Большинство общественных организаций не захотели обменять свою независимость на свидетельство о благонадежности. Вскоре началась эпоха «цветных революций» в соседних странах, и в верхних эшелонах власти взгляд на гражданские организации определился окончательно: это «пятая колонна», финансируемая врагами России из-за рубежа.

В массовое сознание стала внедряться незамысловатая идея: вся активность НПО, занимающихся «горячими» видами деятельности (например, мониторингом выборов, экологией, защитой прав мигрантов, гуманизацией пенитенциарной системы или борьбой с коррупцией) и при этом пользующихся поддержкой иностранных фондов, — не более чем ширма для тайной подготовки оранжевой революции и свержения существующей власти.

Эта пропагандистская кампания, полностью заимствованная из опыта 1930-х годов, привела к тому, чего и следовало ожидать: власть сама поверила в придуманную ею страшилку. С середины 2000-х годов были приняты многочисленные дополнения к действующему законодательству и еще более многочисленные подзаконные акты, резко увеличившие число государственных ведомств, контролирующих НПО, количество и частоту разнообразных форм отчетности НПО перед этими ведомствами. Казалось бы, и мысли не проскочить, многие небольшие социальные и культурные организации в регионах, вполне безобидные для власти и весьма полезные для населения, распались под тяжестью навалившей на их плечи дополнительной бюрократической повинности. Но зарубежное финансирование оранжевой революции в России выявлять так и не удалось — нигде, ни разу и ни в каком объеме.

Непосредственной причиной нынешней массивной атаки на независимые гражданские объединения также очевидна. Это неадекватная паника, охватившая правящую элиту после многотысячных манифестаций в Москве, начавшихся в декабре 2011 г., продолжавшихся в течение всего прошлого года и распространившихся на ряд регионов страны. Московские события власть сразу же объяснила — широкой публике, но, похоже, и самой себе — по той же отработанной схеме: за-

рубежные козни, осуществляемые через общественные организации. Правительство все никак не может поверить, что массовые выступления просто-напросто отражают возросший уровень гражданского самосознания и реальную распространенность протестных настроений в российском обществе. Отсюда и мифический миллиард, якобы вкачанный в НПО «с Запада» всего за четыре месяца, и «закон об иностранных агентах», и многое другое.

Федеральная власть так и не сумела научиться понимать специфику гражданского общества. Во всем, что касается независимой общественной активности, она вопиюще некомпетентна. Единственное, на что ее хватает, — это на то, чтобы максимально затруднять работу общественных организаций. Любую работу.

Все описанное — отражение более общих проблем.

В течение последних 10–15 лет исподволь и постепенно исполнительная власть в тесном взаимодействии с Государственной думой создавала для российских неправительственных организаций

правовую среду, работать и существовать в которой становится все труднее и труднее. Мы, как и наши коллеги из других общественных организаций, вынуждены мириться с тем, что заметная доля наших сил и средств, предоставленных нам спонсорами (как отечественными, так и зарубежными) для содержательной работы на благо наших сограждан, тратится на удовлетворение огромного количества бюрократических требований.

Между тем давно пора вслух заявить несколько простых истин, почему-то забытых не только нашими антагонистами, но и нами. Свобода ассоциаций, если только эта ассоциация не создается с явно преступными целями, является одной из самых фундаментальных гражданских свобод. Право граждан на коллективные инициативы (все равно какие — политические или неполитические) в рамках закона, осуществляемые по добровольному согласию, является основой гражданского существования нации. Государству не должно быть до этого никакого дела — разве что оно хочет поддержать какие-нибудь из них материально, морально, теми или иными преференциями и т.п.

Государство, которое обставляет деятельность неправительственных организаций необоснованными запретами или ограничениями, пытается ее регулировать, препятствует ей или вмешивается в нее каким-то иным способом, — это не демократическое, а полицейское государство. Источники финансирования неправительственных организаций должны волновать только сами эти организации и никого больше (конечно, если организация платит установленные законом налоги и если речь не идет об отмывании денег, нажитых преступным путем, — только это может и должно проверять государство).

Разумеется, НПО должны быть прозрачными для общественности. Они таковыми и являются. Их отчеты о том, сколько средств и откуда они получили, а также отчеты о деятельности размещаются на сайте Минюста и доступны любому желающему. Но вопрос, куда и на что конкретно тратит деньги, касается только самой организации и ее спонсоров. Государство может и долж-

но контролировать эти расходы в одном-единственном случае — если оно само выступает в роли спонсора.

Если власть в самом деле озабочена развитием гражданского общества, то она в первую очередь должна обеспечить режим наибольшего благоприятствования благотворительной деятельности, в частности, налоговые льготы для тех, кто предоставляет общественным организациям средства на решение общественно значимых задач.

Государство, которое пытается делить НПО на агнцев и козлищ в зависимости от источников их финансирования, — это не демократическое, а полицейское государство. Внутренняя жизнь гражданской ассоциации, правила, которые регулируют эту жизнь, вопрос о том, соблюдаются или не соблюдаются эти правила, — это забота только самих членов ассоциации. В своей внутренней жизни общественные организации неподотчетны ни государству, ни каким-либо его ведомствам, а лишь своим членам, перед которыми и должно нести ответственность руководство этих органи-

О ТАК НАЗЫВАЕМЫХ ПРОКУРОРСКИХ ПРОВЕРКАХ

ЗАЯВЛЕНИЕ ПРАВЛЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ОБЩЕСТВА «МЕМОРИАЛ»

иностранных агентах и о том, что ни одна российская НПО не пожелала по этому закону регистрироваться.

Таким образом, все остальное — налоговая дисциплина, борьба с экстремизмом, пожарная безопасность и прививки от кори — лишь декорация, лишь прикрытие операции по уничтожению (или, по крайней мере, публичной дискредитации) тех общественных организаций, деятельность которых не устраивает верховную власть.

В своей деятельности «Мемориал» отстаивает не только ценности свободы, но и необходимость соблюдения законности. Все требования законодательства, даже те, которые считаем абсурдными, мы стараемся исполнять. (При этом мы, разумеется, не станем регистрироваться в качестве «иностранцев», даже если нам будет предъявлено такое требование, — «закон об агентах» явно противоречит Конституции и к тому же лукаво подменяет понятия; вместе с другими НПО мы оспариваем сейчас этот закон в Европейском суде по правам человека.) Мы пытаемся, сколько возможно, следовать бесчисленному множеству подзаконных актов, выпускаемых государственными ведомствами, почему-то назначенными контролировать гражданское общество. Мы действуем и будем действовать исключительно в рамках закона и Конституции, при необходимости апеллируя к суду.

Например, сейчас, предоставив прокуратуре все документы, запрошенные в рамках проверки, мы сразу же подали в районный суд заявление, оспаривающее законность проверки как таковой, а также законность отдельных действий прокуратуры в ходе проведения проверки.

Однако нарушение прокуратурой тех или иных пунктов закона — лишь одна сторона дела, и не самая важная. Гораздо важнее другое.

Власть в России всегда относилась к независимой общественности с большей или меньшей степенью подозрительности, а чаще с прямой враждебностью. Становление советского режима было неразрывно связано не только с ликвидацией политической оппозиции и подавлением свободной печати, но и с уничтожением или полным подчинением государству

паганда достигла в 1936–1938 гг., в эпоху Большого террора; к этому времени разрушение гражданского общества было в основном завершено.

Первые попытки возродить в СССР независимую коллективную инициативу — гражданскую, культурную, правозащитную, религиозную, благотворительную и т.д. — относятся уже к 1960-м. Эти попытки, известные миру под названием диссидентского движения, встретили крайне враждебную реакцию власти, которая тут же объявила, что диссидентские общественные группы не что иное, как замаскированная политическая оппозиция, направляемая из-за рубежа. В этой реакции неприятие властью самой идеи гражданской независимости, сформировавшееся еще в 1920-е годы, соединилось с мифологией Большого террора 1930-х годов. Не заставили себя ждать и репрессии — не такие жестокие, как в сталинскую эпоху, но все же достаточно суровые. Десятки активистов независимых общественных ассоциаций, от участников творческого объединения СМОГ и авторов неподцензурного альманаха «Метрополь» до членов Инициативной группы защиты прав человека, Московской Хельсинкской группы и активистов Русского общественного фонда Солженицына, оказались в изгнании либо в лагерях, ссылках, психушках. А советские СМИ клеймили отщепенцев и наймитов Запада так же гневно, как и нынешние; правда, в те времена они делали это более дружно.

История повторяется. Когда в начале 2000-х годов нынешняя власть стала проводить инвентаризацию подведомственной ей страны, она с некоторым беспокойством обнаружила на ее просторах немалое число независимых групп, занятых тем или иным делом: просветительными, образовательными и научными проектами, защитой прав человека, общественной экспертизой тех или иных начинаний правительства, мониторингом состояния окружающей среды, проблемами мигрантов и заключенных, наблюдением за выборами и т.д. До поры до времени особого недовольства не вызывали ни сами эти занятия, ни то, что работа многих групп обеспечивалась спонсорской поддержкой зарубежных благотворительных фондов. Однако их неза-

В настоящий момент по решению постоянной межведомственной комиссии правительства Москвы по восстановлению прав реабилитированных жертв политических репрессий, которую возглавляет заместитель мэра Москвы по социальным вопросам Леонид Печатников, Музей ГУЛАГа назначили организацией, которая, работая с помощью исполнительной власти и при содействии общественных организаций, занимается созданием новых музеев и сохранением памяти о репрессиях. Речь идет о создании сети музеев, которые будут филиалами Музея ГУЛАГа.

Сергей Капков, министр правительства Москвы, активно поддерживает проекты музея. По словам Романа Романова, они с администрацией города совместно пришли к тому, что лучше, чем небольшой

зданию, в инфраструктуру, войдет «Коммунарка» — место массовых расстрелов в период Большого террора. Там сохранилась дача наркома НКВД Ягоды. Сейчас там живет братия настоятеля храма Святых Новомучеников и Исповедников российских в «Коммунарке». Логично было бы, чтобы в этом доме был музей. Но это долгая история, ведь нужно строить новое здание для братии, потом обследовать сам дом. Это займет годы, а пока в «Коммунарке» можно было бы создать информационный центр для посетителей полигона. На сегодняшний день в рамках создания центра мы готовим базу данных по «Коммунарке». Ведь сейчас нам известна лишь половина (или по другим данным — треть) из числа тех, кто был там уничтожен. В дальнейшем мы выложим эту базу данных в

га», когда обычная книга с помощью видеоматериалов как бы «оживает». Это недорогой проект, нужны лишь книга и проектор, а контент мы монтируем сами и пересылаем по электронной почте. Школы и сами интересуются нашим Музеем. В текущем году департамент образования в рамках программы бесплатного посещения музеев выкупил 711 билетов. К 20 апреля 200 из них уже были использованы. Кроме того, к нам регулярно приходят платные экскурсии. Их приводят учителя, чтобы провести в Музее урок истории. В 2012 г. наш музей совместно с обществом «Возвращение» издал хрестоматию «Есть всюду свет...». Мы оставили себе часть тиража и, когда к нам приходят экскурсии, раздаем эти книги. Таким образом, мы не навязываем книги, а реагируем

43 ТЫСЯЧИ ИМЕН

➤ *Окончание. Начало на с. 1*

для истории региона», — сказал он, подчеркнув, что пока такое издание (включающее сведения о местных фигурантах списков) вышло только в Воронеже. «Сейчас подобное же издание готовится в Грузии, но здесь есть проблема: часть списков по настоянию Берии была передана грузинской «тройке», а грузинские архивы 1930-х сохранились плохо».

Работа над списками позволила установить подлинную дату гибели многих тысяч человек (в общей сложности — около 33 тысяч), родственники которых ранее получали свидетельства о смерти с фальшивой датой. В дальнейшем эти даты проносили и в справочные издания.

В качестве примера Ян Рачинский привел одного из реальных создателей знаменитого танка Т-34 Афанасия Фирсова, расстрелянного в 1937 г., в официальной биографии которого до сих пор приводятся сведения о его смерти в лагере в 1943 г. Рачинский также выразил надежду на то, что публикация «сталинских расстрельных списков» станет еще одним доводом в пользу музеефикации здания Военной коллегии Верховного суда СССР, где в период Большого террора выносили, а по некоторым свидетельствам иногда даже и приводили в исполнение, смертные приговоры «врагам народа».

В интервью корреспонденту «30 октября» Я. Рачинский с сожалением отметил, что хотя власти более полувека назад осудили «культ личности», но масштаб злодеяний они обнаружить не спешили. «И по сей день власти уклоняются от открытия архивов в полной мере. Очень многие материалы о репрессиях хранятся в ведомственных архивах и не существуют даже их копии», — подчеркнул Я. Рачинский.

Он также отметил, что власти не готовы к тому, чтобы дать четкую юридическую оценку этим преступлениям, признать преступным сталинский режим и некоторые его организации — подобно тому, как это было сделано в отношении нацистского режима в Нюрнберге. «Сейчас же чиновники относятся к любой критике, а особенно к разговору о преступлениях советского режима, с большим раздражением», — заключил сопредседатель «Московского Мемориала».

А. Рогинский остановился на проблеме компенсаций узникам ГУЛАГа. Он напомнил, что многие предприятия, которые являются лидерами российской промышленности, были построены при Сталине руками заключенных. «Мы обращались в Российский союз промышленников и предпринимателей: господи, хотя бы поставьте у проходной мемориальную доску о том, что этот завод строили заключенные, ухаживайте за кладбищами. Максимум, чего хотелось бы, чтобы был создан фонд выплат очень немногим оставшимся в живых заключенным», — рассказал Арсений Рогинский. Он с сожалением отметил, что официальный ответ от представителей РСПП не было, а неофициально один из бизнесменов заявил: «Почему вы говорите нам о событиях, которые были тогда? Лучше обращайтесь к государству!»

Предложения А. Рогинского поддержал основатель партии «Яблоко» Григорий Явлинский. Он напомнил, что один из флагманов российской промышленности «Норильский никель» был построен заключенными Норильлага, через который прошло полмиллиона человек. В рамках приватизации комбинат перешел в частные руки, и его прибыль в 2012 г. составила 3,6 млрд долларов.

«Мы считаем, что было бы политически правильно принять закон, по которому все оставшиеся в живых узники Норильлага, а также родственники этих узников долж-

ны получить акции «Норникеля» с регулярной выплатой дивидендов», — сказал Г. Явлинский, напомнив, что Германия выплачивает компенсации тем, кто в качестве рабов трудился при нацистском режиме на заводах Круппа, Тиссена и т.д.

Андрей Сорокин, директор РГАСПИ, построил свое выступление вокруг вопроса о необходимости публикации (в том числе и в Интернете) возможно большего числа документов сталинского времени, подчеркнув, что пока такие документы не опубликованы, мы «имеем дело с очень искаженным общественным дискурсом на тему сталинизма». Как отметил А. Сорокин, в РГАСПИ к настоящему моменту полностью оцифрован личный фонд Сталина и готовится оцифровка фонда политбюро ЦК ВКП(б).

«Публикации, подобные этой, — горький, но необходимый опыт, без которого представление российского общества о своем прошлом будет неполным. Работа «Мемориала» является необходимым шагом по оздоровлению общественной атмосферы, восприятию обществом объективной правды о нашем прошлом», — заключил директор РГАСПИ.

Григорий Явлинский посвятил свое выступление позиции партии «Яблоко» по отношению к сталинизму. Он подчеркнул, что партия видит своей миссией содействие десталинизации страны. «Конкретные требования «Яблока» таковы: признать на государственном уровне произошедшие преступления и дать недвусмысленную оценку этому периоду; сформулировать взгляд на преемственность российского государства по отношению к этому периоду; категорически отказаться от использования в современной политической практике элементов сталинизма и большевизма, которые входят в то, что сегодня называется политикой», — сказал он. Г. Явлинский особенно отметил, что данная позиция является консенсусной для всех членов «Яблока» и значительную роль в этом сыграл нынешний глава партии С. Митрохин.

«Сейчас, кроме «Яблока», ну и, конечно, КПРФ, но у них эта позиция — с обратным знаком, нет ни одной партии с явным пониманием этого вопроса», — резюмировал он, пообещав, что партия сделает все возможное, чтобы поддержать исследования «Мемориала» в этой области.

Председатель Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека, руководитель рабочей группы по увековечению памяти жертв политических репрессий Михаил Федотов рассказал о подготовке, по поручению президента РФ Владимира Путина от 1 декабря 2012 г., федеральной целевой программы по увековечению памяти жертв политических репрессий («30 октября» подробно писала о программе в № 106 и 108). В программе будет несколько блоков, и один из них будет посвящен работе в архивах, а также рекомендациям по вопросам о «Расстрельном доме», Бутовском полигоне, спецобъекте «Коммунарка»; о поддержке региональных программ и проектов по преодолению наследия тоталитаризма (музей «Пермь-36», музей «Следственная тюрьма НКВД» в Томске).

Списки можно отсортировать по регионам, категориям дел, наличию подписи того или иного лица, по фамилиям приговоренных. После выпуска большого тиража «Списки» появятся и в открытом доступе в интернете.

*Семен ЧАРНЫЙ, собственный корреспондент интернет-издания «Кавказский узел»
www.kavkaz-uzel.ru
специально для «30 октября»*

НОВЫЙ МУЗЕЙНЫЙ КОМПЛЕКС МОСКВЫ

Большой музейный центр, посвященный жертвам ГУЛАГа, будет открыт в Москве. Центр будет создан на базе уже существующего Музея ГУЛАГа на Петровке. Кроме того, на Никольской улице в здании бывшей Военной коллегии Верховного суда также будет создан музей.

Директор Государственного музея истории ГУЛАГа Роман Романов в интервью «30 октября» рассказал о дальнейших планах по развитию музея.

музей со сменной экспозицией, организовать музейно-мемориальную инфраструктуру. На сегодняшний день нас поддерживают и Л. Печатников и мэр. (Окончательно форма музейной инфраструктуры, вероятно, будет оформлена после решения всех административных вопросов. В данный момент юридический статус нового музейного комплекса находится в стадии разработки — *Примеч. ред.*)

— **Что будет входить в состав новой музейно-мемориальной инфраструктуры?**

— Во-первых, это наш музей. Сейчас по поручению мэра передано новое здание по адресу: Самотечный переулок, д. 9, стр. 1. Процесс передачи несколько затянулся, поскольку рядом проходит метрополитен и нужно было понять, может ли музей размещаться в этих стенах. Сейчас мы находимся на стадии обсуждения с архитекторами, что и как делать в здании, как может быть размещена экспозиция и т.д.

К этим двум зданиям прибавится здание Военной коллегии Верховного суда на Никольской улице. В настоящее время в мэрии принято принципиальное решение об этом, но его воплощение достаточно сложно. Раньше здание принадлежало Банку Москвы. Когда банк купил ВТБ, здание как-то неожиданно оказалось в частных руках.

Сейчас идет процедура возвращения здания городу. Предстоит музеефикация здания, а поскольку здание является памятником архитектуры — еще и реставрация.

Интернете, чтобы с ней могли ознакомиться в том числе и родственники погибших. Иногда люди даже не знают, что их родственник был расстрелян именно на «Коммунарке».

В состав инфраструктуры войдет и территория у Соловецкого камня. Сейчас территория рядом с ним не обустроена, и многие прохожие даже не знают, почему он там находится. Ситуация меняется только 29 и 30 октября, но тогда уже возникают технические проблемы: как провести электричество, как люди будут подходить. В будущем у Соловецкого камня будет находиться сменная экспозиция, материалы которой будут меняться раз в полгода. Сначала будут рассказывать, почему этот камень лежит, почему он Соловецкий. Потом уже можно будет переходить к рассказу о репрессиях.

— **Предполагаете ли вы сотрудничать с «Мемориалом» при реализации проектов?**

— Мы не мыслим подобной работы без «Мемориала». Кроме того, в различных комиссиях, в которых я состою, мы обычно солидарно выступаем с А. Б. Рогинским и Я. З. Рачинским.

— **Реализует ли Музей ГУЛАГа какие-то проекты «на земле» — в школах, районных музеях?**

— Да, мы стремимся сотрудничать со школами Москвы. Так, недавно в школе № 109, которой руководит Е. Ямбург, в рамках выставки современного искусства мы представили факсимильные копии тетрадей Евфросинии Керсновской (изданные Музеем ГУЛАГа). Еще один наш проект — «Живая кни-

на проявившуюся заинтересованность.

Но, на мой взгляд, наша основная экспозиция пока еще не готова принимать школьные экскурсии. Надеюсь, что в ближайшем будущем нам удастся изменить ее так, чтобы она могла пробуждать в каждом интерес, чувство сопричастности и т.д.

— **По радио «Эхо Москвы» прошла информация, что проект финансирования связан со структурами М. Прохорова.**

Пока предложений о сотрудничестве от структур г-на Прохорова к нам не поступало. Я так понимаю, что он выражал желание финансировать программу поддержки музеев на федеральном уровне, а у нас речь все же идет о московской музейно-мемориальной инфраструктуре. Надеюсь, что Музейно-мемориальная инфраструктура Москвы будет реализована в рамках федеральной программы. Возможно, мы будем привлекать и других меценатов. Мы будем стараться, чтобы все наши проекты были максимально прозрачны, чтобы люди, пожертвовавшие нам деньги, могли бы с помощью информационных технологий видеть, на что они потрачены.

*Семен ЧАРНЫЙ, собственный корреспондент интернет-издания «Кавказский узел»
www.kavkaz-uzel.ru
специально для «30 октября»*

На снимке: Роман Романов. Фото Александра Юршина

ДЕЛО «ВРАЧЕЙ-УБИЙЦ»: 60 ЛЕТ СПУСТЯ

➤ Окончание. Начало на с. 1

не только в Москве, но и в других городах. «Есть расхожее мнение, что «дело врачей» касалось сугубо кремлевских врачей, допущенных к Сталину. Это не так, — рассказал Виктор Коган-Ясный, внук Виктора Моисеевича Когана-Ясного, основателя Харьковской эндокринологической клиники. — Мой дед был арестован в Харькове, врач Василий Закусов — в Ленинграде. Были арестованные и в других городах. Моего деда освободили на два месяца позже, чем московских врачей. Есть большие сомнения, что он получил полную реабилитацию. Клинику, которую он основал, ему не вернули, в КПСС тоже не восстановили, хотя ему очень этого хотелось».

О том, что пришлось пережить родственникам репрессированных, описано в воспоминаниях невестки Когана-Ясного, ученицы Виноградова Лии Гриншпун. Книгу «Лия Давыдовна Гриншпун. Фрагменты воспоминаний», изданную организацией «Региональная гражданская инициатива — право на жизнь и гражданское достоинство» при содействии РОДП «Яблоко» в 2012 г., можно было бесплатно получить в «Мемориале».

Отрицательный отбор

По мнению врача и писателя Максима Осипова, «дело врачей» оказало очень существенное и пагубное влияние на развитие советской медицины. «Кроме тех врачей, что были посажены и потом вернулись на свои кафедры, очень большое число врачей-евреев просто бежало со своих мест и назад уже не вернулись. И таких людей были тысячи. В Риге были уволены все евреи — заведующие отделениями. Они уходили по собственному желанию, и не было никакого механизма, чтобы их потом восстановить. В этот момент был дан очень важный сигнал, что можно быть неучем и руководить кафедрой. Произшел некий отрицательный отбор. Меня уже учили люди, большинство из которых не знали иностранных языков... Это был мощный толчок к уничижению медицины как искусства, ремесла, науки, интеллектуального занятия. Последствия мы ощущаем до сих пор», — сказал Максим Осипов.

Историк Геннадий Костырченко рассказал о том, как было воспринято «дело врачей» за рубежом. На Западе прошли протестные демонстрации. Черчилль и Эйзенхауэр заявили, что спецслужбы их стран не имеют никакого отношения к этому делу. «На Западе это дело стали называть «сумасшедшей историей». В сенате возникла комиссия, которая планировала организовать заочное обследование Сталина на предмет его вменяемости». По мнению Костырченко, эта реакция оказала влияние на планы Сталина, в том числе на сценарий, по которому должно было развиваться «дело врачей».

По одной из версий, «дело» должно было завершиться спровоцированными антисемитскими выступлениями, казнью обвиняемых, и депортацией евреев на Дальний Восток. Исследователи считают эту версию необоснованной. Так, Геннадий Костырченко, рассказывая о письме «дрессированных евреев» — 60 деятелей культуры, которые якобы требовали покарать

4 АПРЕЛЯ 1953 г. № 80 (9236).

СООБЩЕНИЕ Министерства внутренних дел СССР

Министерство внутренних дел СССР провело тщательную проверку всех материалов предварительного следствия и других данных по делу группы врачей, обвинявшихся во вредительстве, шпионаже и террористических действиях в отношении активных деятелей Советского государства.

В результате проверки установлено, что привлеченные по этому делу профессор **Вовси М. С.**, профессор **Виноградов В. Н.**, профессор **Коган М. Б.**, профессор **Коган Б. Б.**, профессор **Егоров П. И.**, профессор **Фальдман А. И.**, профессор **Этингер Я. Г.**, профессор **Василени В. Х.**, профессор **Гринштейн А. М.**, профессор **Зеленин В. Ф.**, профессор **Преображенский Б. С.**, профессор **Попова Н. А.**, профессор **Занусов В. В.**, профессор **Шерешевский Н. А.**, врач **Майоров Г. И.** были арестованы бывшим Министерством государственной безопасности СССР неправильно, без каких-либо законных оснований.

Проверка показала, что обвинения, выдвинутые против перечисленных лиц, являются ложными, а документальные данные, на которые опирались работники следствия, несостоятельными. Установлено, что

показания арестованных, якобы подтверждающие выдвинутые против них обвинения, получены работниками следственной части бывшего Министерства государственной безопасности путем применения недопустимых и строжайше запрещенных советскими законами приемов следствия.

На основании заключения следственной комиссии, специально выделенной Министерством внутренних дел СССР для проверки этого дела, арестованные **Вовси М. С.**, **Виноградов В. Н.**, **Коган Б. Б.**, **Егоров П. И.**, **Фальдман А. И.**, **Василени В. Х.**, **Гринштейн А. М.**, **Зеленин В. Ф.**, **Преображенский Б. С.**, **Попова Н. А.**, **Занусов В. В.**, **Шерешевский Н. А.**, **Майоров Г. И.** и другие привлеченные по этому делу полностью реабилитированы в пределах тех обвинений во вредительской, террористической и шпионской деятельности и, в соответствии со ст. 4 п. 5 Уголовно-Процессуального Кодекса РСФСР, из под стражи освобождены.

Лица, виновные в неправильном ведении следствия, арестованы и привлечены к уголовной ответственности.

В Президиуме Верховного Совета СССР

Президиум Верховного Совета СССР постановил отменить Указ от 20 января 1953 г. о награждении орденом Ленина врача **Тимашук Л. Ф.**

как неправильный, в связи с выявившимися в настоящее время действительными обстоятельствами.

СПРАВКА:

28 марта 1928 года Президиум ЦИК СССР принял постановление «О закреплении за КомЗЕТОм для нужд сплошного заселения трудящихся еврейми свободных земель в приамурской полосе Дальневосточного края». 20 августа 1930 года ЦИК РСФСР принял постановление «Об образовании в составе Дальневосточного края Биро-Биджанского национального района». 7 мая 1934 года этот район получил статус автономной Еврейской национальной области. В перспективе на ее базе предполагалось создать Еврейскую республику (как место компактного проживания евреев СССР), но этот план так и не был реализован.

Еврейская АО осталась единственной автономной областью в РФ. Уникальность ее состоит еще и в том, что она создана как национально-территориальное образование для переселенцев на территории, никогда ранее не бывшей местом компактного проживания этого народа. Евреи-переселенцы, прибывшие в Приамурье в 1920—1930-е годы, и их потомки никогда не составляли большинства населения АО, а после масштабной репатриации в Израиль в 1970—1990-е годы стали очень небольшим меньшинством. Пика своей численности еврейское население АО достигло в 1937 г. — 20 тыс., после чего постоянно снижалось. В настоящее время доля евреев составляет лишь около 1% от населения области.

«Дело врачей» («Дело врачей-отравителей», в материалах следствия — «Дело о сионистском заговоре») — уголовное дело против группы видных советских врачей, обвиненных в заговоре и убийстве ряда советских лидеров.

Среди арестованных были **М.С.Вовси**, **В.Н.Виноградов**, **М.Б.Коган**, **Б.Б.Коган**, **П.И.Егоров**, **А.И.Фальдман**, **Я.Г.Этингер**, **Г.И.Майоров**. Помимо них по «делу врачей» были арестованы еще многие, в том числе хранитель забальзамированного тела Ленина профессор **Б.И.Збарский**. Большинство обвиняемых были евреями, в том числе арестованные чуть позднее врачи **Н.А.Шерешевский**, **М.Я.Сергейский**, **Я.С.Темкин**, **Э.М.Гельштейн**, **И.И.Фейгель**, **В.Е.Незлин**, **Н.Л.Вильк**, **Я.Л.Рапопорт**, **Л.Х.Кечкер** и другие. К делу посмертно были привлечены также **М.Б.Коган** и **М.И.Певзнер**.

Дело приобрело антисемитский характер и вошло в более общую кампанию по «борьбе с безродным космополитизмом», проходившую в СССР в 1947—1953 годах. После ареста группы врачей кампания приняла общесоюзный характер, но закончилась после смерти Сталина. Большинство арестованных по «делу врачей» были освобождены и реабилитированы 3 апреля 1953 года.

врачей-заговорщиков, сказал, что в архиве сохранилось два варианта этого письма, подготовленных к судебному процессу, но ни в одном из них не говорится о депортации (см. Справку. — *Ред.*).

Врач и публицист Виктор Тополянский рассказал о гибели Лидии Тимашук. По его мнению, с большой долей уверенности можно утверждать, что автокатастрофа на Кузнецком Мосту, которая привела к ее смерти, была подстроена госбезопасностью. Впрочем, как заметил Тополянский, «дело врачей» — «одна большая легенда», лишенная документальной основы.

Вопросов больше, чем ответов

Многие люди, пришедшие 3 апреля в «Мемориал», отмечают этот день как праздник. В этот день они узнали, что их родные живы, освобождены и реабилитированы. Более того, это был сигнал о том, что закончилась эпоха репрессий. И все же «дело врачей» имеет необратимые последствия, отметили участники встречи в «Мемориале». Сталин нанес непоправимый удар советской медицине и советской медицинской школе и, кстати, сам пал жертвой своего последнего преступления (кто знает, сколько бы он еще прожил, если б его лечили профессионалы). Максим Осипов заметил, что сразу после войны российские медицинские учебники не отставали по уровню от западных. Но после 1953 г. началось отставание — в науке, в технологиях, в практике, которое до сих пор углубляется.

Однако в «деле врачей» есть еще вопросы, о которых в «Мемориале» не говорили специально, но они стали очевидными в ходе споров о Тимашук, Виноградове, Абрикосове. В деле не расставлены все точки над «и», остается много неясного. Ошиблась Тимашук или была доносчицей? Или, может быть, ошиблись другие, а Абрикосов сфальсифицировал заключение после вскрытия? Подписывал Илья Эренбург письмо о депортации или нет?

«Мы не должны забывать то, что было. Дай бог, чтобы никогда в истории нашего государства не повторялось таких печальных и позорных страниц», — сказал, завершая свое выступление, Леонид Печатников.

«Бог нам ничего не даст!» — возразила ему Наталья Томилина, подруга Натальи Рапопорт, которая стала свидетельницей антиеврейской кампании в школе, где они учились. Ее слова собравшиеся в конференц-зале «Мемориала» встретили аплодисментами. «В январе я рассказывала студентам-медикам шестого курса о «деле врачей», — продолжала Наталья Томилина. — Оказалось, что ни один из них о нем не знает. Они меня слушали, как Шахерезаду, рассказывающую сказку из «Тысячи и одной ночи». Историю нашей медицины и нашей страны мало знают, и наше дело, а не бога — не допустить повторения».

Кстати, Максим Осипов, врач из Тарусы, в своем выступлении заметил, что время изменилось и изменилось сильно, но по практике в провинции он знает, что возможность запустить слухи, в которые поверят, почти такая же, как была тогда. Когда про врачей писали, что они «выращивают людей на органы», люди, которых Осипов лечил, этому верили. И охотно поверят во что-нибудь другое. «Атмосфера изменилась, но не надо обольщаться, это может вернуться».

Наталья КРАЙНОВА,
собственный корреспондент
интернет-издания «Кавказский узел»
www.kavkaz-uzel.ru
специально для «30 октября»
Фото из архива «Мемориала»

Комитет гражданских инициатив, возглавляемый Алексеем Кудриным, совместно со специалистами-историками, выражая обеспокоенность «кампанией по внедрению единого общенационального учебника истории для школьников, составленного «в рамках единой концепции» и избавленного от «внутренних противоречий и двойных толкований», обратился с открытым письмом с предложением собрать подписи против такого способа преподнесения истории. По мнению авторов письма, никакой исторический факт не существует и не может быть осмыслен без различных оценок хода событий. В противном случае история превращается в перечень фактов или в идеологическую доктрину, освоение которой «вменяется в обязанность подданным несвободных режимов».

«Я против» — сбор подписей

«В современной России, где политическое многообразие и недопустимость преобладания одной идеологической доктрины закреплены Основным законом (ст. статья 13 Конституции РФ), попытка унификации исторических оценок через «единый учебник» способна привести к конфликту политических позиций. В связи с этим учебник может стать еще одним источником конфликта и раскола общества, каковых сегодня в нашей стране более чем достаточно».

Кроме того, внедрение в образовательный процесс унифицированного учебника противоречит одному из основополагающих принципов и главному вектору развития современной образовательной системы России — вариативности образования. Согласно принятому в конце 2012 г. в третьем чтении «Закону об образовании в РФ», федеральные государственные образовательные стандарты и федеральные государственные требования должны «обеспечивать вариативность содержания образовательных программ разного уровня образования».

Есть все основания предполагать, что в атмосфере неприятия политических, социальных и культурных альтернатив, невнимания к позиции активного меньшинства власть как заказчик примет такой учебник, который будет воспитывать не ценности свободы и достоинства, а послушание и сервиллизм. Именно из-за этих опасений ответственная научная и образовательная общественность постсоветской России решительно противится попыткам унификации школьных пособий.

Комитет гражданских инициатив считает, что обсуждение проблем российской истории и способов ее преподавания необходимо вести максимально широко и демократично, избегая жесткой унификации и приведения всех точек зрения к единому знаменателю, — говорится в письме, размещенном на сайте КГИ. Под ним подписались Алексей Кудрин, члены Комитета, ученые-историки, общественные и политические деятели.

Сколько людей, столько и мнений по поводу каждой исторической фигуры

Доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра социальной политики Института экономики РАН Евгений Гонтмахер давно пришел к выводу, что в гуманитарных науках, к которым относится история, невозможно выстроить какую-то до конца доказанную позицию. «В историческом процессе существует очень много разнонаправленных фактов, часто отражающих противоречивость человеческой природы. Возьмем, к примеру, широко известного персонажа русской истории Александра Невского. Эксперты и профессио-

ЧЕМУ НАУЧИТ ЕДИННЫЙ УЧЕБНИК ПО ИСТОРИИ

нальные историки хорошо знают не только о положительных, но и о темных сторонах его жизни. Он напал и сжигал соседние русские княжества. От имени Орды он собирал налоги и боролся за власть, в том числе прибегая и к убийствам».

Петр I, с точки зрения Евгения Гонтмахера, при всех его «выставляемых примитивным взглядом» на первый план плюсах, был глубоко негативной фигурой в истории России хотя бы потому, что он законсервировал крепостное право. «А он мог бы его и отменить как вроде бы европейски настроенный человек, — продолжает профессор. — Он ввел рабство на казенных заводах и строительстве Санкт-Петербурга».

У Сталина было колоссальное количество минусов, но люди говорят, что он построил промышленность. «Какая-то доля правды вроде бы в этом есть, — отмечает Евгений Шлемович. — При нем, конечно, строили, но если посмотреть профессионально, то мы знаем, что при нем ни одна пятилетка не была выполнена и огромные средства, выделенные на индустриализацию, разбазаривались. Но при этом промышленность была построена и она выпускала ценной колоссальных жертв самолеты, танки, тракторы».

В каждой исторической личности и даже в каждом историческом событии есть очень много нюансов. «Я бы так сказал, — сколько людей, столько и мнений по поводу каждой исторической фигуры. В этом нет ничего страшного, и так будет всегда. Невозможно сделать так, что мнение всех людей будет сведено во что-то одно», — убежден ученый.

Учебник истории должен отражать мнение общества, которое преподают школьникам. Старшее поколение передает им свое представление об истории страны. Его, к счастью или сожалению, как уже сказано, нельзя свести к единому целому. Есть группы взглядов. «Возьмите Европу и США. Там тоже нет единого взгляда на исторические события. Попытка создать единый учебник по истории заведомо обречена на то, что это будет попытка представить мнение какой-то очень узкой группы людей. Поэтому самый оптимальный вариант — это вариативность».

Многое в преподавании истории зависит от личности учителя. Совсем не факт, что, даже если будет введен единый учебник по истории, учителя станут дословно преподавать по нему. «Нормальный учитель будет использовать дополнительные материалы, обсуждать с учениками разные точки зрения. Не будут же в классах устанавливать видеокамеры!» — уверен Гонтмахер.

Идти против потока исторического сознания глупо, считает он. Надо дать право учителю выбирать из разных источников. Он должен грамотно помочь ученикам «покопаться в фактах, в их сопоставлении, модерировать в дискуссиях». Попытки введения единого учебника означают недоверие к учителю, которого, получается, необходимо вооружить шпателькой. Фигура учителя низводится до фигуры пропагандиста, который несет не знания, а определенную установку. «Представим себе, что будет один учебник по истории, рекомендованный Министерством образования. Все равно преподавание истории в лучших школах будет совершенно другое. Учитель

будет рассказывать то, чего нет в этом учебнике. Никто ему рот не заткнет. Мы, слава богу, не дошли еще до тотальной цензуры».

«История — это не только цепь побед, но и поражений, на которых общество учится». Канонический учебник, по мнению Евгения Гонтмахера, это чистая идеологизация нашей жизни, формирование плоского взгляда на нашу историю. «Это борьба с плюрализмом, которая является довольно тревожным сигналом», — такова точка зрения подписанта письма против внедрения в России единого учебника по истории.

Выбор учебника по истории должен осуществлять каждый конкретный учитель, а не чиновник

Дмитрий Травин, профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге, научный руководитель Центра модернизации, член Комитета гражданских инициатив, считает, что единый учебник по истории создаст сразу несколько проблем. «Во-первых, единый учебник практически просто невозможно составить. В истории есть разные точки зрения, идут постоянные полемики и споры. Абсолютной истины по многим существенным вопросам нет. Если бы вдруг меня поставили каким-то экспертом, который должен выбрать единый учебник, я не смог бы это сделать».

Во-вторых, в условиях, когда государство не скрывает, что оно ведет идеологическую работу в массах, оно постарается выбрать тот учебник, который больше нравится государству, — продолжает ученый. — Когда будет составляться единый учебник, какие-то начальники должны будут выбрать ту позицию, которая им ближе. Совсем не факт, что эта позиция окажется самой доказанной и убедительной. Думаю, ничего хорошего из этого для общества не получится», — считает Дмитрий Травин.

Профессор уверен, что обучение должно приучать человека самостоятельно мыслить. Человек должен не столько получать набор знаний, сколько уметь «...самостоятельно думать, анализировать ситуацию, понимать, что означают те или иные события. Если ему вместо этого предлагают идеологию, то из него готовят не мыслящего самостоятельно человека, а некий винтик единой государственной машины. Формирование единомыслия противоположно обучению», — подчеркивает Травин.

Идеологизация хороша для подготовки солдата, если государство готовится к войне и ему необходимо больше «пушечного мяса». «Человек не размышляющий, слушающийся в школе учителя, а затем своего офицера, хорош для войны. Это германский, прусский подход XIX века, с которым они побеждали в войнах, — говорит Дмитрий Травин. — Сейчас XXI век. Я надеюсь, что мы не собираемся воевать. Задача перед обществом другая».

В России экономика держится на нефтяной трубе. С новыми технологиями, с конкурентными разработками дело обстоит очень плохо — экономика разваливается, считает Травин. «Для того чтобы мы в XXI веке были не отсталой страной, которая приближается к африканским, а страной, которая догоняет европейские страны, нужно готовить самостоятельно

мыслящих людей, в том числе и в области истории. Единый учебник этому будет мешать», — убежден он.

Три года назад Дмитрий Травин написал книгу об истории российских реформ последнего двадцатилетия. «Я встречался с учителями истории, обсуждал эту книгу, — рассказывает автор. — У меня сложилось впечатление, что это просто замотанные бюрократией люди, которые сами ничего не успевают читать. Они, конечно, с радостью возьмут этот единый учебник и будут по нему работать. Но есть некоторый процент учителей умных, хороших, разбирающихся, стремящихся к знаниям. Вот для меня очень важно, чтобы эти учителя могли качественно учить ребят».

Такие учителя посмотрят разные учебники и выберут тот из них, который больше отвечает их взглядам — взглядам мыслящих людей, и на базе этого учебника будут готовить школьников. «Лучшие учителя не говорят: «Вот вам единственно верная точка зрения, и будьте патриотами», лучшие учителя предлагают дискуссию, объясняют, обсуждают, — продолжает Травин. — Я хочу, чтобы таких школ было хотя бы 10–15%. На базе таких школ будет формироваться интеллектуальная элита общества».

Идеальным примером учителя истории для Дмитрия Травина является герой Тихонова в фильме «Доживем до понедельника». «Пересмотрите еще раз этот замечательный советский фильм, — советует ученый. — Послушайте, как преподавал историю своей Тихонова. У него были свои взгляды, существенно отличающиеся от того, что писали в советских учебниках, и по фильму это видно. Я сторонник того, чтобы такие учителя могли преподавать историю на основе того учебника, который им больше подходит, а не на основе какого-то единого учебника».

Чиновник, который не имеет отношения к преподаванию, но должен выбрать единый учебник, не может, если он честный человек, взять на себя ответственность и выбрать лучший, считает профессор. «Выбор учебника, который представляется ему наиболее качественным, должен осуществлять

каждый конкретный учитель на основе своих знаний и размышлений, а не чиновник, — убежден Дмитрий Травин. — Но если государство скажет, что с определенного момента нужно обучать детей по единому учебнику истории, то даже самые лучшие учителя потеряют возможность выбора».

«И учитель, и ученик всегда должны иметь выбор»

Олег Витальевич Будницкий, доктор исторических наук, профессор ВШЭ, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, член Европейской академии, считает, что создание чего-то единого и по предписанному образцу является безусловным рефлексом бывшего советского человека. «Я одно время преподавал историю в школе и отлично представляю, что было бы, если бы я преподавал по учебнику, что бы обо мне думали дети, — говорит собеседник «30 октября». — Я всегда выходил за пределы учебника и благодаря этому «держал» класс. Но это так, к слову».

Учитель и ученики становятся заложниками некоего единого текста, в идеологию которого собираются вмешиваться отнюдь не историки, считает Будницкий. Учитель и ученики оказываются в ситуации, когда текст учебника становится обязательным. «У учителя и у ученика всегда должен быть выбор, — убежден профессор. — Я всегда повторяю фразу: «История, как и жизнь, неоднозначна». В истории практически нет событий, которые оцениваются однозначно, за редким исключением. В истории нет навсегда установившихся точек зрения».

Это вовсе не означает, что история — это такая наука, которая прогибается под какие-то политические запросы. Появляются новые источники, новые теории, вопросы, новые интересы. Это процесс, процесс познания. «Когда я говорю о неоднозначности, это ни в коем случае не означает нравственного релятивизма. Скажем, нацизм не может оцениваться позитивно исходя из того, что при Гитлере ликвидировали безработицу и построили автобаны», — подчеркивает он.

Каждое поколение переписывает историю не для того, что-

бы подстроиться под какую-то конъюнктуру, а потому, что оно стоит на плечах предшественников. Есть общественные запросы. «Если мы стремимся чему-то научить детей, мы должны научить их понимать, как неоднозначна история и жизнь. И в этом плане некий нормативный текст, с моей точки зрения, противопоказан. Стремление к унификации, на мой взгляд, контрпродуктивно», — считает Будницкий.

Идея внедрения единого учебника по истории не нравится ученому и потому, что это — установка на формирование линейного мышления. «При всем при этом я отношусь к этому делу довольно иронически. Я не воспринимаю это как большую угрозу по той простой причине, что подавляющее большинство знающих дети черпают не из учебника. И введение единомыслия в России, чего так многие опасаются, технически невозможно. Это идея XVIII века: дайте людям правильные знания и они будут правильно себя вести. Это очень наивные представления, и меня поражает наивность людей, которые думают, что таким образом можно будет изменить общественные настроения».

На самом деле историческое представление формируется не столько учебниками, сколько окружающей жизнью, той информацией, которая приходит по самым разным каналам — пресса, Интернет, телевидение. «И в этих условиях идея создания некоего единого нормативного текста выглядит какой-то странной, кроме всего прочего. Это попытки дезертировать то ли в советское прошлое, то ли в XVIII век — считает ученый. — Возражения против единого учебника объясняются, скорее, не каким-то испугом, это сигнал, что часть общества, в том числе значительная часть профессионального сообщества, не примет подобные идеи».

Елена ХРУСТАЛЕВА,
собственный корреспондент
интернет-издания «Кавказский узел»
www.kavkaz-uzel.ru
специально для «30 октября»

На снимке: кадр из фильма «Доживем до понедельника», 1968 г., режиссер Станислав Ростоцкий.

«ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, НЕСОВМЕСТИМАЯ С...»

Сергей Алексеевич Ларьков — географ по образованию, научный сотрудник НИИЦ «Мемориал» с 1991 г. Сергей Алексеевич был автором и редактором Самиздата, соредактором журнала «Поиски и размышления» (1980–1981 гг.), принимал участие в выпуске «Бюллетеня В», своего рода информационного агентства, предназначенного для использования другими правозащитными изданиями и группами.

Специально для «30 октября» Сергей Алексеевич записал свои воспоминания о том, что в совсем недалекие 1980-е годы происходило с распространителями «запрещенной литературы», к каким методам прибегали преследователи и какими путями удавалось избежать репрессий.

В один из последних дней ноября 1984 г. я, как часто это делал, прихватив полевые материалы, решил поработать дома. Часа в четыре мне позвонили с работы (Забайкальская партия Комплексной восточной экспедиции географического факультета МГУ тогда «сидела» на Херсонской улице) и сообщили, что меня разыскивает секретарь деканата и что меня хочет видеть декан. Дело шло к концу рабочего дня, ехать мне из дома до университета больше часа, и, несмотря на неординарность ситуации, я решил приглашение проигнорировать, рассудив, что вряд ли меня срочно приглашают к такому начальству по хорошему для меня поводу. Через полчаса — новый звонок, с передачей настойчивой просьбы-приказа приехать немедленно. Поехал, куда денешься...

С Георгием Ивановичем Рычаговым у меня были весьма неплохие отношения, сложившиеся, еще когда мы вели учебную практику на полигоне геофака в Сатино близ Боровска, да и пересекались мы часто на кафедре геоморфологии. На этот раз он был озабочен и строг: «Сергей! Ты должен уйти с факультета!» На мое недоумение: «Ты занимаешься деятельностью, несовместимой с работой в университете!» — «Какой?» — «Ты в командировках в Чите распространяешь антисоветскую литературу!» Моя первая естественная реакция: «Я этого не делаю и заявления об увольнении писать не буду!» На том и расстались...

Изображая конспиратора

Полученной информации для меня было достаточно, чтобы понять ситуацию. Наша экспедиция с 1959 г. работала в Забайкалье. Я летал в Читу 3–4 раза в год. Конечно, здесь у меня было много близких знакомых, в основном в кругу геологов. Был среди них Аркадий Константинович Данилин — один из ведущих гидрогеологов Забайкалья, книголюб и меломан, более чем иронично относящийся к советскому официозу во всех его проявлениях. В одном из разговоров зашла речь о Самиздате, и Аркадий выбыл из меня обещание что-нибудь привезти ему. Я положил несколько «изданий» в свой вычурный ящик, ехавший в контейнере в Читу (не в рюкзаке же их везти самолетом!), и отдал Аркадию с соответствующими напутствиями: быть осторожным, ибо светила за это статья 190-1 Уголовного кодекса РСФСР: «Распространение сведений, порочащих советский общественный и государственный строй» — до трех лет лишения свободы. Значит, Аркаша все же наварался на «стукача».

Алгоритм моих действий за многие годы знакомства с подобными историями, имевшими место в моем окружении, был отработан. К дому я подходил с оглядкой, вполне допуская, что меня ждут. Света в квартире не было — значит, с обыском еще не пришли. Накопившейся «запрещенной» литературы набралось на полный рюкзак, который я, изображая конспиратора, и поволок к друзьям через всю Москву. Вернувшись домой, я ознакомил жену и дочь с ситуацией, дал некоторые положения в таких случаях советы и позвонил «шефу» — начальнику экспедиции профессору Юрию Гавриловичу Симонову (кстати, сыну погибшего в ухтинских лагерях видного хозяйственника), чтобы новость от декана не стала для него неожиданностью. Ю.Г., как мы его называли, принял информацию «к сведению». Осталось только ждать их прихода...

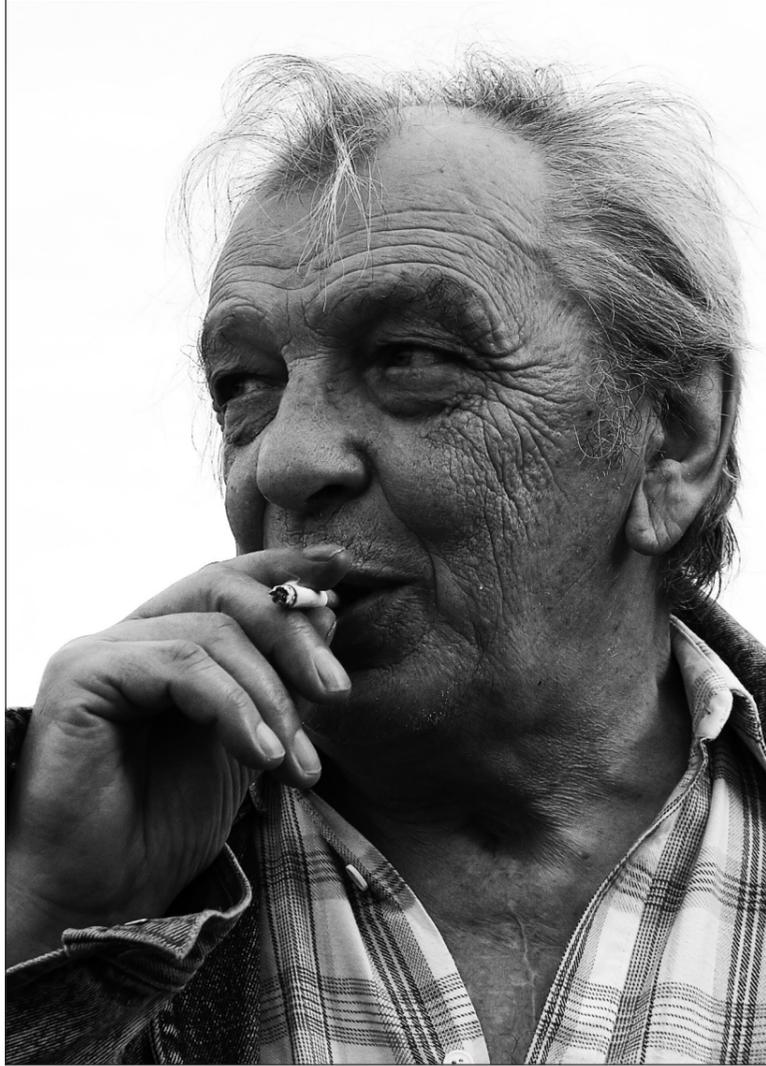
Прокурорские игры

Через несколько дней мне позвонил Эрик Гаррисон (он, начальник гидрологической партии в нашей экспедиции, и познакомил меня с Аркадием) и сообщил, что его вы-

звали на допрос в районную прокуратуру. Среди прочего следователь интересовался моим знакомством с Данилиным и нашими контактами в Москве. Был и прозрачный намек: мол, вызовут на допрос мою жену и дочь. Еще через несколько дней следователь позвонил и вежливо пригласил их прийти на «беседу». Конечно, поехал с ними и я, оставшись на время «беседы» в коридоре. Когда они вышли после десятиминутного разговора и рассказали, что их спрашивали о том, бывал ли Данилин у нас в гостях (о чем мы давно забыли), выглянул следователь и пригласил меня зайти. В кабинете он открыто поведал мне (нарушая тайну следствия): «На вас дает показания Данилин». Игра стала ясна: читинские гэбисты сообщили в Москву о своем успехе на фронте борьбы с идеологическими врагами, утерев нос московским коллегам. Последним борьба эта к середине 1980-х годов уже изрядно надоела: они же знали, что в половине московских квартир по чемодану Самиздата, всех брать — и лагерей не хватит, и шуму не оберешься. Опять же получалось, что неведомый мне лично куратор географического факультета от «конторы» (в 1970–1980-х годах за КГБ закрепился придуманный интеллигентами псевдоним — «Контора Глубокого Бурения») работает плохо — не разоблачил злыдня... А это ему надо?! Получив оперативку, он поставил в известность декана, который меня и предупредил об опасности, невольно (а скорее — вольно) дав мне возможность избавиться от «улик», которые непременно нашли бы, если бы обыск проводился сразу по получении оперативной информации. Такую же игру вела и прокуратура.

Они пришли домой с обыском только днем 16 января, предварительно позвонив на Херсонскую для выяснения моего местонахождения, о чем меня с работы тут же известили. Мне было предъявлено постановление читинского следователя об обыске от 26 ноября. На мое ехидное замечание «долго же собиравались!» следователь даже как-то смущенно сослался на плохую работу почты. Следователь лет тридцати, двое понятых (как вскоре выяснилось — шофер служебной машины и секретарша прокуратуры), сержант-милиционер и молодой человек лет двадцати пяти с незапоминающейся внешностью. Он не представился и, несмотря на мои настойчивые требования, так и не был внесен в протокол. У него на лбу было написано: лейтенант-стажер, слушатель Высшей школы КГБ. Он и был наиболее активен, но я и дочь ни на секунду не сводили с него глаз — в их «лицее» и провокациям учат! Он почему-то раза три снимал с полки и внимательно изучал «Записки декабриста» Андрея Розена 1907 г. издания. Но он же обнаружил и криминал — самодельно переплетенную машинописную копию «Роковых яиц» Булгакова, которую я почему-то не увез. Она и была внесена единственным пунктом в список изъятого. После окончания всех положенных процедур следователь предложил мне проехать с ним для проведения обыска на Херсонской.

Уже вдвоем со следователем (секретарша и гэбист как-то незаметно слиняли) мы приехали на

Херсонскую, «следак» бегло порылся в ящиках моего стола, бестрепечно оформил протокол и сообщил, что ему нужно провести обыск и на квартире моих родителей (где я был прописан). Делать нечего, покатали на Сокол, благо транспорт казенный. Отца, праведного коммуниста, дома, по счастью, не было. Не пройдя дальше прихожей, следователь спросил маму: «Вещи сына у вас есть?» Она, перепуганная (все же пережила сталинские годы!), замотала головой. Пришлось напомнить, что у них хранится моя туристическая байдарка, что следователя явно не заинтересовало. Он буркнул «ясно» и предложил маме расписаться в пустом бланке протокола обыска, предварительно перечеркнув графу «изъято при обыске».

«Следственные действия» завершились в прокуратуре Ленинградского района, где меня сначала попросили переписать два абзаца из передовицы «Правды» для получения образца почерка для почерковедческой экспертизы. При этом следователь дал мне возможность подробно ознакомиться с постановлением своего читинского коллеги, в котором приводился некий мой текст (из семи слов) на некоей бумажке, обнаруженной у Данилина (вряд ли им что-нибудь дала бы эта экспертиза!). Неприятное было «следаком» припасено напоследок: он вручил повестку, предписывающую мне в течение семи дней явиться в читинскую прокуратуру в качестве подозреваемого в совершении преступления, предусмотренного ст. 190-1 УК РСФСР. В Чите явно задумали провести свой «процесс

века» — ясно, что меня «возьмут в железа» прямо на перроне вокзала или у трапа самолета.

За больничной стеной

Смех смехом, но топтать зону за такие, по московским меркам, мелочи, разумеется, не хотелось. Возник естественный, многими опробованный вариант: больница. Я со своей старой — еще со службы в армии — язвой желудка раз в 3–4 года лежал в одной из клиник Первого медицинского, устраиваясь туда, естественно, по знакомству. Но в последний раз решил пройти официальный путь, и заняло это у меня полтора месяца. Сейчас я, конечно, решил обойтись без экспериментов. Добравшись в 10 часов вечера до дома, я позвонил нужному человеку. В 9 утра следующего дня мне позвонили из клиники, и уже через 2 часа я в палате описывал лечащему врачу симптомы язвенной болезни. Забегая вперед, скажу, что врачи явно были осведомлены о причине моей госпитализации и по окончании лечения отнюдь не настаивали на моей выписке из клиники. И когда в середине февраля домой пришла угрожающая телеграмма из читинской прокуратуры, жена с чистой совестью ответила, что я в больнице.

Тем временем в дело вступили коллеги. 8 февраля на собрании Забайкальской партии я, никогда не ходивший на субботники, ни разу не поработавший на «базе», манкирующий политинформациями, был объявлен победителем социалистического соревнования (с кем-то мне неведомым) — работал-то я в экспедиции действительно справ-

но. А еще через неделю по представлению опять же Забайкальской партии декан подписал необходимое ходатайство в соответствующую инстанцию о награждении меня только что введенной государственной наградой — медалью «Ветеран труда». Мой трудовой стаж уже превысил нужные 25 лет; впрочем, справедливости ради — в списке награжденных было несколько десятков сотрудников факультета. Медаль и удостоверение к ней ребята принесли мне в больницу, и мы со смехом обсуждали, как бы ее повесить на большую одежду.

Ну, навсегда в больнице не спрячешься, да и врачей можно подвести. Я выписался в начале марта, когда умер Черненко и ему на смену пришел Горбачев: возникла робкая надежда на слабенький сквознячок. Тем временем мне откуда-то стало известно, что мое «дело» выделено в отдельное производство и передано в Москву: в Чите явно спешили с «процессом века». Тут-то и пришлось понервничать, каждодневно ожидая ареста. Друзья устроили мне встречу с известным адвокатом и правозащитницей Софьей Васильевной Каллистратовой. Выслушав мой рассказ, она сделала вывод: «Не похоже, что вас хотят посадить. Хотели бы — давно посадили бы!» Это придало мне уверенности, что все обойдется. Попутно развивалась другая сюжетная линия: завершив многоходовую комбинацию для сохранения квартиры моих родителей за моей дочкой, я вновь прописался в Теплом Стане, что, кажется, тоже сыграло роль в моем «деле»: его ведь теперь с «нуля» должна была вести Черемушкинская районная прокуратура.

«Чужая шляпа» Данилина

20 марта 1985 г. читинский областной суд приговорил Аркадия Константиновича Данилина к двум годам лишения свободы, о чем нам, его московским друзьям, сразу же сообщили коллеги из Читы. По странному совпадению, в День смеха, 1 апреля, мне на работу позвонили: «Говорит следователь Черемушкинской районной прокуратуры такой-то. Скажите, пожалуйста, вы действительно поменяли пропуск?» — «Действительно поменял». На другом конце провода тяжело вздохнули и не удержались: «Жалко». Я представил себе следователя, получившего мое «дело»: в стране потянуло легким сквознячком, время для борцов с идеологическими врагами наступило смурное, а обвинения строились на показаниях одного человека. Ясно, что я буду все отрицать, значит — заморачиваться с очными ставками без надежды на успех. Какие-то мутные результаты экспертиз, которые опровергнет и студент юрфака, «а потом про этот случай растрелят по Би-Би-Си...» Это было мое последнее общение по «делу» с советской юстицией. Тем все и кончилось... На возвращении «Роковых яиц» я решил не настаивать. Где-то в архивах ФСБ «дело» и «вещдок» так и пылятся среди других «прекращенных».

Но машина пропаганды тормозилась медленнее, чем машина юстиции. 22 сентября 1985 г. орган читинского обкома КПСС газета «Забайкальский рабочий» опубликовала статью «Чужая шляпа», в которой в лучших традициях советской пропаганды был заклеивен идеологический отщепенец Данилин. Каких только грехов ни навесил на него автор, порой совершенно абсурдных: например, в вину ему ставилось строгое следование плану бурения скважин, даже если они располагались в «неудобном» месте. Естественно, содержался пассаж о происках ЦРУ, и в этом контексте упоминался некий «москвич» который, конечно, легко распознал моими многочисленными читинскими знакомцами. Впрочем, никаких последствий эта статья для меня не имела,

КАК УБИТЬ СТАЛИНА

но на всякий случай я на полтора года воздержался от командировок в Читу. Когда я вновь появился в Читинском геологическом управлении, многие даже малознакомые люди очень тепло меня приветствовали. Любопытно, что автор статьи, заведующий отделом партийной жизни «Забайкальского рабочего» Александр Федоров, в августе 1991 г. был одним из активистов противостояния путчу ГКЧП в Чите, будучи заведующим отделом «демократической» «Народной газеты». В разгар «лихих 90-х» он стал лауреатом журналистского конкурса «Золотой орел», а в годы «поднятия с колен», в 2002 г., — заслуженным деятелем культуры Читинской области.

Данилин после приговора не был отправлен в колонию, а оставлен в «обслуге» СИЗО, где исполнял, среди прочих, обязанности библиоотекаря. Этому поспособствовал его хороший знакомый по библиофильским увлечениям начальник областного управления МВД. Стоит упомянуть о том, что через 20 лет почти год в камерах того же СИЗО провел Михаил Борисович Ходорковский. После года заключения ингодинский районный суд Читы (страна явно менялась) принял решение об условном освобождении А.К.Данилина. Его направили на стройки народного хозяйства (с хрущевских времен это называлось «химией»), в поселок Кручина в полусотне километров от Читы, а в конце февраля 1987 г. он вообще был освобожден. Он вернулся в Читу и снова стал работать гидрогеологом, но не старшим, как раньше. В это время мы с ним и встретились, тепло и доверительно. Однако нервотрепка и тюрьма не прошли для Аркаши даром — летом 1991 г. он неожиданно, пятидесяти пяти лет от роду, скончался от инфаркта. Среди телеграмм соболезнования была и телеграмма от сотрудников кафедры гидрологии суши географического факультета МГУ, тоже много лет работавших в Забайкалье. А в читинской антикоммунистической «Народной газете» был опубликован некролог о нем, подписанный... автором статьи «Чужая шляпа» шестилетней давности!

Что же такого страшного я передал Аркаше, а он читал и неосторожно «распространял», за что поплатился изломанной жизнью? В протоколе обыска значится: «Верный Руслан» Г.Вадимова, «Уничтожение природы» Б.Комарова, «Загадка смерти Сталина» А.Авторханова, «Эссе» Г.Померанца и две исторические статьи. Все это на рубеже 1980—1990-х годов было издано в СССР и спокойно продавалось в книжных магазинах. Аркадий Константинович был в 1992 г. реабилитирован. Сведения о нем включены в Книгу памяти жертв политических репрессий в Восточном Забайкалье. Там сказано, что суд над Данилиным был «последним политическим процессом в Читинской области» (мне-то думается, что и последним в СССР). Хотя до юридической реабилитации Аркадий Константинович не дождался. Он при жизни был оправдан публично: 8 апреля 1990 г. газета «Комсомолец Забайкалья» (на местном жаргоне — «Зека») опубликовала огромную, на полный разворот, статью известной в Чите журналистки Ольги Китовой «За любовь к чтению...». В статье подробно, на основании материалов следственного дела и бесед с Аркадием Константиновичем, описывалась вся история обысков, ареста, следствия и суда, даже называлась фамилия «стукача» и издевательски разбивались все «аргументы» статьи Федорова.

Клио — дама с юмором: я пользуюсь и поныне какими-то льготами «Ветерана труда» — звания, полученного за антигосударственную деятельность.

На снимке: Сергей Ларьков.
Фото из архива автора

Дискуссия началась с обсуждения художественных достоинств книги, однако каждый из выступавших перечеркивал свои же критические замечания тем тезисом, что других детских книг на эту тему все равно нет. И как же замечательно, что у родителей появился, наконец, повод для разговора с детьми о самом трагическом периоде в истории страны.

Стоит отметить, что дети, прочитавшие «Сталинский нос» по просьбе издательства «Розовый жираф», оценили книгу гораздо выше профессиональных критиков. Александр Гаврилов зачитал собравшимся письма родителей. Судя по всему, один день из жизни 10-летнего Саша Зайчика, ставшего сыном «врага народа», никого не оставил равнодушным. По словам родителей, дети очень переживали за героя книги, недоумевали, почему вокруг него «такие уроды», почему к нему так жестоко соседи, родственники и бывшая любимая учительница. У одного из юных читателей после знакомства с этой историей даже поднялась температура, настолько сильно он переживал за Сашу Зайчика.

«Я пришел в полный восторг от этой книжки, — сказал в ходе дискуссии школьный учитель биологии Илья Колмановский. — Происходит важный слом шаблона. У нашего травмированного общества есть традиция, свой чин и лад, с помощью каких инструментов и в какой последовательности наша молодежь иницируется, принимается в наше сообщество либералов. Есть Шаламов, есть Хармс... Но за кадром остается очень важный этап — 9—11 лет. В семьях есть традиция в этом возрасте начинать устные разговоры. Теперь у нас появилась книжка, которая, как родители могут сказать, идеально приспособлена к этому возрасту. Ее читаешь взахлеб, и предметом разговора в ней является как раз то, что в этом возрасте действительно важно. Из всего, что можно рассказать о жизни в тоталитарном обществе, в этом возрасте по-настоящему интересны отношения между людьми. Они невероятно причудливые и очень странные. Помню, мне было очень удивительно узнать про то, как палачи казнили палачей, как муж предавал жену, и самое главное для ребенка то, с чем он себя прочнее всего идентифицирует — это отношения в классе. Ситуация травли ученика, которая дирижируется учителем, потрясающе сильно выписана в книге. Она очень интересная и очень узнаваемая. Ребенок узнает и эту училку, и это поведение одноклассников в своей сегодняшней реальности и получает очень прочную прививку и инструмент для того, чтобы уметь это распознавать. И мы видим из отзывов, что читатели распознают эти аспекты жизни тоталитарного общества в сегодняшней ситуации».

Собравшиеся согласились, что «Сталинский нос» идеально подходит для детей от 9 до 12 лет. Позднее эту книгу будет читать уже неинтересно. Вопрос о том, с какого возраста вообще можно начинать беседы о сталинском режиме, тоже споров не вызвал. Для всех участников дискуссии было очевидно, что начинать надо ровно с того времени, когда ребенку это будет интересно, а поводом могут послужить любая книга, семейные предания, памятники истории, песни и так далее. В связи с этим вспомнили и «Тараканище» Корнея Чуковского, и «Урфина Джюса и его деревянные солдаты» Александра Волкова, и «Пятнадцатилетнего капита-

5 марта, в 60-ю годовщину смерти Иосифа Сталина, в конференц-зале Общества «Мемориал» состоялась «круглый стол» на тему «Как говорить с детьми о сталинизме».

Поводом для дискуссии, на которую собралось около полусотни историков, педагогов, родителей и просто читателей, послужила презентация книги Евгения Ельчина «Сталинский нос». Как ни парадоксально, это первая вышедшая в России книга о Большом терроре, написанная для детей. Впрочем, как отметил модератор встречи директор Института книги Александр Гаврилов, правильнее сказать, что в России пока не вышло ни одной подобной книги. Ведь «Сталинский нос» был написан в Америке на английском языке и лишь затем был переведен на русский и издан «Розовым жирафом» небольшим тиражом — 5 тысяч экземпляров.

на» Жюль Верна. Но чаще других в качестве «универсальной» книги для разговора о тоталитаризме называли «Гарри Поттера». «Дети понимают установление диктатуры Волан де Морта и внутренности репрессивной системы, — считает член правления «Мемориала» Александр Черкасов. — Они вообще очень хорошо умеют применять книги здесь и сейчас».

И все же непосредственный и художественный рассказ о репрессиях не просто знакомит с историей — он вызывает эмоциональный отклик и формирует отношение к сталинизму.

«Мои детям 10 и 12 лет. Они очень много знают о сталинском времени, потому что семья моего прадеда была выслана, и мы много им рассказываем об истории семьи. Но для них все это было как при царе Горохе — примерно в те же времена, когда был Дубровский и Куликовская битва. Сколько бы я ни рассказывала им об этом, они, как я теперь понимаю, не могли примерить это к себе. И только сейчас, после прочтения этой книги, это случилось — они примерили это на себя. Может быть, потому, что герой одного с ними возраста. И для них стало понятно и очевидно, как это было страшно. Я им давно рассказывала историю из «Архипелага ГУЛАГ» про то, как люди на собрании хлопали 11 минут, потому что все боялись перестать хлопать первым. Только теперь мои дети поняли, чего именно они боялись», — рассказала главный редактор издательства «Розовый жираф» Марина Козлова.

Однако если для детей Сталин стал чем-то вроде царя Гороха (некоторые даже путают его с Лениным, называя «старичком с бородой»), взрослые, участвовавшие в дискуссии, с горечью говорили о том, что Сталин и теперь «живее всех живых». Александр Гаврилов привел цифры ВЦИОМ, иллюстрирующие отношение к «отцу народов» в российском обществе. Собственно, отрицательное или положительное отноше-

нию порождает негодование и абсолютное неприятие мира, в котором живет Саша Зайчик».

В России нет общественно-го договора, подобного тому, какой есть в Америке — о рабстве, в Германии — о Гитлере, во всем мире — о Холокосте, отметили участники дискуссии. «Там всем известно, что это ужасно, это страшное прошлое, за которое граждане страны должны извиниться. А у нас существует множество разных мнений о Сталине и сталинизме», — сказала Анна Наринская, литературный критик, специальный корреспондент ИД «Коммерсантъ».

О том, как воспитывают отношение к Гитлеру и фашизму в современной Германии, рассказала Ирина Шербакова, руководитель проекта «Человек в истории России». По ее словам, это не только специальные программы и методические разработки для педагогов, экскурсии в музеи с предварительной подготовкой и последующим обсуждением увиденного, но и множество визуальных напоминаний о жертвах фашизма — таблички на зданиях домов с фамилиями погибших, указатели на улицах с названиями лагерей смерти. «Если бы у нас был такой контекст, если бы возникла культурная среда... — говорит Ирина Шербакова. — Наша задача — создавать эту карту. Дети книжки не читают. Визуально им не за что зацепиться». Чтобы вызвать интерес к истории сталинского периода у российских школьников, Ирина Шербакова посоветовала привязать его к истории их собственной семьи, потому что репрессии так или иначе коснулись практически всех. А справка из архива с фамилией деда — это не параграф в школьном учебнике.

Понаблюдав за дискуссией, Александр Гаврилов пришел к интересному выводу: все взрослые читатели «Сталинского носа», так называемое «племя либералов», относятся к этой книге не просто как к художественному произведению, а как к единственному оружию в борьбе, и хочет, чтобы это оружие было крепким. Он, очевидно, был прав, потому что к концу дискуссии в зале прозвучала реплика: «Это первая детская книга про Сталина через 60 лет после его смерти. Почему?»

«Потому, что он не стал нашим прошлым, — ответила Ирина Шербакова. — Вот поэтому мы так и нервничаем сейчас. 60 лет прошло, и мы опять должны доказывать, что Сталин преступник. Это какая-то кошмарная спираль. Весной 1990 г. на лекции в РГГУ студент спросил меня: «Вы когда-нибудь видели живого сталиниста?» Казалось, что они вымерли как динозавры, эпоха кончилась. Но сейчас смешно об этом говорить. Мы опять в ситуации, когда история — сырое тесто, из которого нам пекут разные куличи».

В заключение встречи модератор прочитал рецензию на «Сталинский нос» одиннадцатилетнего Мити. «Сам я читал книгу с открытым ртом и во мне кипел гнев, — пишет мальчик. — Я, как многие другие дети, не привык к жестокости, несправедливости и антисемитизму. Надо знать, что происходило в нашей стране и что еще, не дай бог, может случиться позже».

Наталья КРАЙНОВА,
собственный корреспондент
интернет-издания «Кавказский узел»
www.kavkaz-uzel.ru
специально для «30 октября»

На снимке: Ирина Шербакова
и Александр Гаврилов.
Фото автора

1. «В отношении россиян к Сталину за последние годы существенных изменений не произошло. Позитивные эмоции по-прежнему более характерны: 27% испытывают к нему уважение, 6% — симпатию, 3% — восхищение. Негативное восприятие встречается среди респондентов несколько реже: в неприязни к Сталину признаются 14%, отвращение к нему испытывают 6%, страх — 5%. Однако немало и тех, кому советский лидер сегодня безразличен (30%)», — говорится в сообщении ВЦИОМ. Инициативный всероссийский опрос ВЦИОМ проведен 16—17 февраля. Опрошено 1,6 тысячи человек в 138 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках России.

ПО ЕКАТЕРИНБУРГУ «СТАЛИНОБУСЫ» БОЛЬШЕ НЕ ЕЗДЯТ

На имя уполномоченного по правам человека по Свердловской области Татьяны Мерзляковой поступило письмо от членов Свердловского отделения Общества «Мемориал». Поводом стало появление на улицах Екатеринбурга так называемых сталинобусов — микроавтобусов с изображением Сталина.

«По странному и циничному совпадению, их маршрут проложен к торговому центру, расположенному рядом с мемориальным комплексом на 12-м километре Московского тракта. Именно здесь нашли последний покой замученные в застенках НКВД десятки тысяч жертв Большого террора», — говорится в письме.

Правозащитники, говорится далее, пытались обратиться на этот факт внимание городских властей, но понимания не нашли. Им сказали, что появление «сталинобусов» это частная инициатива, которая не карается законом.

«Мы знаем, что администрация Екатеринбурга в прошлые годы много сделала для увековечения памяти жертв репрессий. Но эти меры останутся половинчатыми и тише воды, если вместо бесплатного «сталинобуса»... не начнет к Мемориалу скорби на 12-м километре регулярно ходить хотя бы платный автобус, если не будут в школах проводиться Уроки памяти, если в центре города, на бульваре против здания бывшего НКВД (Ленина, д.17), не появятся памятный знак жертвам репрессий».

Тогда же в адрес областной прокуратуры поступило заявление от члена Общества «Мемориал» Отто Збыковского, в котором автор также обращал внимание на появление в городе «сталинобусов».

Отто Андреевич Збыковский — человек юридически грамотный, и в разговоре с корреспондентом, отстаивая свою точку зрения по поводу появления в маршрутных такси портретов Сталина, цитирует статьи Конституции РФ и закона «О реабилитации жертв политических репрессий».

«В части 1 статьи 21 Конституции РФ говорится, что «достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления». А то, что по городу раскатывали маршрутки с портретами Сталина, да еще по маршруту № 7, который пролегает недалеко от места, где находится мемориальный комплекс и где захоронены тысячи жертв политических репрессий, это разве не унижение моего достоинства? — возмущается Отто Андреевич. — Поэтому и я, и все те, кто пострадал в годы политических репрессий, чувствуем себя глубоко оскорбленными за погнание памяти безвинно расстрелянных. Я вижу в этом желание унижить мое достоинство и достоинство многих тысяч реабилитированных».

Обо всем этом Отто Андреевич написал в своем заявлении в прокуратуру сразу же, как только ему стало известно о появлении «сталинобусов».

Оттуда довольно оперативно пришел ответ за подписью заместителя главного прокурора города старшего советника юстиции Л.В.Иванова, где сказано: «Установлено, что в рамках акции, приуроченной к Дню защитника Отечества и 60-летию со дня смерти Сталина, по заказу Свердловского областного отделения КПРФ на бортах 5 маршрутных транспортных средств, осуществляющих перевозки по маршруту городского общественного транспорта № 7 «НПЦ Онкология—Педуниверситет—НПЦ Онкология», размещен портрет Сталина И.В. Изображение на автобусах выполнено по макетам, которые сделаны в Волгограде к юбилею празднования Сталинградской битвы».

21 февраля изображения Сталина сняты с автобусов».

Однозначные отношения

...Годы репрессий в сердце каждого оставили свою зарубку на долгие годы. Моему собеседнику в тот день, когда были арестованы его отец и мать, было 10 лет.

«Старшей сестре Ире было 17 лет, Георгию 13, а мне 10 лет. Я не помню, как забирала маму. Я спал. Сначала они пришли за отцом, а потом за мамой. С нами первое время был дедушка. Ему уже тогда было 70 лет. Нас, детей, разобрали родственники. Меня, к примеру, отправили в Горький. Но мы под-

держивали связь друг с другом», — рассказывает Отто Андреевич.

Из писем он узнал, что арестовали и деда, царского генерала. Много лет спустя ему удалось познакомиться с архивными документами НКВД. Он узнал, что его родители отрицали все обвинения, которые им предъявляли следователи, так и не подписав ни одного протокола, несмотря на все издевательства. Ему стало известно и то, что отца расстреляли первым, а с мамой не знали, как поступить: ни в чем не признается, к тому же остались дети. Отправили на согласование документы в Москву. Оттуда пришел ответ: «расстрелять».

«Если родители держались до последнего, не подписывали протоколы допросов, то дедушка подписывал все протоколы, которые были написаны заранее. В чем только бедного не обвиняли!»

По его глубокому убеждению, организаторы этой кампании, которую приурочили ко Дню защитника отечества и к 60-летию со дня смерти Сталина, имели своей целью, ко всему прочему, возбудить социальную рознь по отношению к гражданам, которые прямо или косвенно пострадали от политических репрессий в эпоху сталинизма. И пояснил:

«Появление «сталинобусов» до глубины души оскорбило не только нас, кто пострадал от репрессий. В Свердловской области живут представители тех национальностей, которых Сталин объявил врагами народа и которых сослали в Сибирь, в Казахстан и Киргизию. Им-то каково видеть портреты этого тирана, да еще с лозунгом «Вернем победе имя!».

...В горном селе Ушкалой, куда и в погожие дни добраться можно только пешком или же на лошади, военные появились в середине февраля 1943 г. Село небольшое, и председатель сельсовета, которому была дана команда всех расселить по домам попарно, стоял перед дилеммой: военных было больше, чем домов. Но утрясли и этот вопрос. Шел третий год войны, у многих сельчан сыновья, братья, мужья находились на фронте, а потому к служивым было отношение особое: их старались поселить в самой теплой комнате, да и кормили получше, чем детей и стариков. Думали, что вот, отдохнут солдаты и офицеры, а потом двинутся дальше, в горы, по своим военным делам. Но как оказалось, идти дальше военные не собирались, у них была другая, секретная миссия. В ночь на 23 февраля 1943 г. почти все они собрались в сельсовете, а рано утром, еще было темно, в одно и то же время во все дворы зашли солдаты, стали бу-

дить хозяев: «Собирайтесь, вас высеяют. На сборы полтора часа».

«Были солдаты, которые, видя, как мечутся женщины, кидая в котомки все, что попадалось под руку, советовали, что брать: теплую одежду, еду. От вопросов, куда поведут и зачем, — уклонялись. Только поторавливали: «быстрее». Было ветрено, шел мокрый снег. Идти по горной дороге и в хорошую погоду не просто, а здесь слякоть, грязь, скользко. Среди сельчан было много немощных, больных стариков. Когда они падали, женщины пытались их поднять. А на руках у всех малые дети. Тех стариков, которые не могли подняться даже с посторонней помощью и идти дальше, пристреливали. Сельчанам не разрешили их не то что похоронить, а даже завалить камнями», — мой собеседник Салауди Мамаков надолго замолкает.

Его не было среди тех, кого солдаты гнали по горной дороге в районный центр Шатой, откуда на машинах людей отвозили в Грозный, где грузили в товарные вагоны и на долгие 13 лет отправляли в ссылку. О том, что произошло 23 февраля 1943 г., ему неоднократно рассказывала его мать Пата. В 1943 г. она была совсем девочкой. Когда кто-то сказал, что их отправляют в ссылку по приказу Сталина, девочка долго не могла прийти в себя от шока — в школе-то говорили о Сталине совсем другое. Для многих это имя ассоциировалось тогда с высшей справедливостью, незыблемостью страны, победами на фронтах. Салауди родился в ссылке, в забытом богом селе Чимкентской области через два года после смерти Сталина. Но с самого раннего детства родители, рассказывая о том, что пришлось пережить, наказывали: не забывать то, что произошло с его народом и кто виноват в этом.

«Так что, к этому тирану у меня однозначное отношение. И представьте мое состояние, когда я увидел на лобовом стекле маршрутных такси, которые курсируют по Екатеринбургу по седьмому маршруту, портрет Сталина, да еще и с надписью «Вернем победе имя!». Подобное было в прошлом году, как раз накануне 9 мая. А в этом году маршрутки с пор-

третом Сталина появились в канун Дня защитника отечества, — рассказывает Салауди. — Я обратился по этому вопросу к уполномоченному по правам человека по Свердловской области Татьяне Георгиевне Мерзляковой. Она пообещала, что портреты уберут и будут приняты меры, чтобы в дальнейшем подобные акции в городе не проводились. Обратился я и в прокуратуру. Там сказали, что уже есть сигнал. И в то же время добавили, что «в федеральном списке экстремистских материалов на сайте Минюста России нет указания на изображение Сталина». Получается, что тирана, по чьему указанию были расстреляны и погибли в местах ссылки миллионы людей, нельзя назвать убийцей?»

Их — в дверь, а они — в окно

По Екатеринбургу продолжают курсировать маршрутки с портретами Сталина. Правда, уже не по седьмому маршруту и портрет Сталина красуется не на ветровом стекле, а в салоне машины, но инициаторы этой акции не отказываются от своей идеи. Городские власти утверждают, что появление «сталинобусов» — частная инициатива и появляются портреты генералиссимуса на маршрутках частных транспортных компаний. Но тенденция к возвышению титулованного преступника существует, и это очень опасная тенденция.

Дмитрий Шадрин, первый секретарь Свердловского обкома КПРФ, в интервью телекомпании «Новый регион» сказал, что вина Сталина сильно преувеличена и то, что происходило в 1930-е годы, было оправдано общественно-политической ситуацией в СССР. А одна из активисток Свердловского отделения КПРФ, поддерживая своего политического лидера, привела в защиту Сталина слова Михаила Шолохова: «Да, был культ. Но была и личность».

Татьяна ГАНТИМУРОВА,
собственный корреспондент
интернет-издания «Кавказский узел»
www.kavkaz-uzel.ru
специально для «30 октября»

Екатеринбургское общество «Мемориал» было образовано в 1987 г.

Основное направление работы — увековечение памяти жертв репрессий: сбор информации о месте захоронения жертв Большого террора на 12-м километре, создание сайта, посвященного Мемориалу скорби, забота о мемориальных кладбищах.

В «Мемориале» создан музей «Зал памяти жертв тоталитаризма», где представлены предметы лагерного, крестьянского и диссидентского быта, дневниковые и архивные документы, фотографии. Действует Общественная приемная по проблемам правовой помощи репрессированным, выяснению судеб родных, пострадавших в годы Большого террора, правовой помощи призванным, решившим проходить альтернативную военную службу. В Клубе «Связь поколений» ежемесячно организуются встречи репрессированных со старшеклассниками и студентами.

Для школьников, в рамках программы «Горькая память Урала», организуются автобусные тематические экскурсии по маршруту «Екатеринбург (пл.1905 года — здание бывшего УНКВД пр. Ленина, 17) — Мемориал жертвам Большого террора на 12-м километре Московского тракта — Екатеринбург». Проводится школьный творческий конкурс «Глазами неочевидцев». В этом году проходит выставка «Страна из железной паутины» — картины и воспоминания Ивана Белокрылова, узника Степлаза. В гуманитарном антифашистском видеоцентре собрана значительная коллекция просветительских видеороликов: документальные видеосвидетельства о событиях XX века, о совсем недавней истории, в том числе о войне в Чечне и о других горячих точках.

«Мемориал» выступает партнером в сборе экспонатов для музея «Лабиринт истории» в строящемся Ельцин Центре и планирует выставлять собственную экспозицию на своей территории, пока комплекс не построен. «Лабиринт истории» посвящен трем темам: раскулачивание, репрессии и диссидентское движение.

Екатеринбургский «Мемориал» организует и участвует в общегородских информационно-просветительских акциях, пикетах, выставках, чтениях, касающихся событий в истории и жизни современной России.

Более подробная информация на сайтах Екатеринбургского «Мемориала»
www.ekmemo.ru и ek12km.ru

Анна ПАСТУХОВА

Пионер Солтанович Мухтасыров никогда не видел ни своего отца Солтана Мухтасырова, ни деда Мухтасыра Далымбаева, арестованных в 1937 г. В 1938 г. дед был расстрелян. Отец умер в лагерях ГУЛАГа. Пионер родился в 1938 г.

Мать с четырьмя детьми, старшему из которых было 6 лет, осталась без средств к существованию. Все же Пионеру удалось получить образование и выбиться в люди. Но мечта увидеть хотя бы фотографию отца и деда не оставляла Пионера Солтановича. Поэтому он начал поиски сведений, фотографий репрессированных в те годы. В течение сорока лет он собирал сведения в архивах КГБ, рассказы очевидцев и вернувшихся из ссылок и лагерей людей. Пионеру Солтановичу удалось найти информацию не только о своем отце и деде, но и помочь в поисках многим детям и женам репрессированных.

Найденные сведения Пионер Солтанович собрал для «30 октября» в статью о репрессированных в Кош-Агачском районе Алтайского края.

Волны репрессий 1929–1938 гг., вызванных вначале борьбой с кулачеством и проведением коллективизации, массовым выселением крестьян, затем Большим террором, шли по Кош-Агачу без видимых ограничений, непрерывно в течение одиннадцати лет.

Для закрепления завоеваний революции и развития политического строя в Кош-Агачском аймаке (аймак — тюркское и монгольское родоплеменное образование, район. — Примеч. ред.) в 1922 г. создали пограничный отряд, в 1924 г. реорганизовали его в пограничную комендатуру № 1 в селе Кош-Агач. В конце 1925 г. комендатуры были реорганизованы в Ойротский пограничный отряд ОГПУ, а в 1928 г. их переформировали в Ойротскую отдельную пограничную комендатуру.

1929 г. Достучаться до властей

О видимых достижениях военной комендатуры по охране государственной границы история умалчивает. Зато по разоблачению и уничтожению внутреннего врага советской власти, так называемых врагов народа, они преуспели.

С ноября 1929 г. ОГПУ начало свою активную деятельность. Первыми в список неугодных попали жители Чуйской степи Акыновы и их родственники. Это были уважаемые люди в своем ауле. Новой власти Акыновы покорно подчинились, не претендуя на главенствующие позиции. Но, очевидно, ОГПУ нужно было найти «врагов народа», и оно их находило успешно.

14 ноября 1929 г. арестовали 10 семей из села Актал. Куда увезли жен и детей арестованных мужчин — неизвестно, то ли в казахскую степь, то ли в Сибирь, но домой они уже не вернулись. У Сагилы Акынова единственный внук по имени Коксеген остался в колыбели. Взять его с собой матери не разрешили, отдать на попечение соседям или близким запретили. Ребенок умер в ноябрьские морозы в колыбели на улице: юрта была конфискована вместе со всей домашней утварью. Имеющийся домашний скот был конфискован и передан в колхоз.

Также поступили с остальными семьями: Сатканбаем Омирбековым, Чакером Амирановым, Кожабаям Аухановым, Бургебаем Кубентаевым, Туркестаном Нурпейсовым, Кусаном Сыдыковым.

Сагила Акынова, Кожабая Ауханова, Бургебая Кубентаева, Туркестана Нурпейсова расстреляли 7 февраля 1930 г. в городе Горно-Алтайске.

В феврале 1930 г. подверглись репрессиям еще 12 семей. Изгнание с обжитых мест, расстрелы, издевательства над детьми, незаконная возмутили народ. Стали искать выход, как остановить репрессии, как

достучаться до власти. Для того чтобы решить вопрос, как дальше жить, казахи из разных стойбищ, собравшись в юрту Салимжана Абдолданова и пригласив жителей из соседнего села теленгитов, провели собрание (теленгиты — малый народ, проживающий на Алтае. — Примеч. ред.). В то время среди теленгитов тоже было репрессировано несколько десятков семей.

Участники собрания не допускали мысли, что советская власть сама могла организовать репрессии своего народа. Полагали, что, скорее всего, это чья-то провокация. Поэтому решили организованно собраться на митинг и заявить, что «мы против советской власти ничего не имеем, только требуем выпустить из тюрем невинных людей, просим невинных людей не расстреливать и не арестовывать без основания».

Как было решено, 8 марта 1930 г. люди вышли на митинг к казахскому сельсовету в селе Актал.

Собравшиеся хотели, чтобы к ним вышли работники, выслушали требования и передали вышестоящим органам советской власти. Но работники местной власти к людям выйти отказались, что вызвало возмущение собравшихся. Люди не знали, что делать, какие меры предпринять, чтоб их голос был услышан. Видимо, работники сельского совета телеграфировали в Кош-Агачскую пограничную комендатуру. К сельсовету приехала машина с вооруженными людьми.

В толпе были люди, которые не имели представления, что такое автомобиль, и, увидев чудотележку, от удивления забыли, зачем пришли. Они считали, что тележка может двигаться, только если запряжешь лошадь. От любопытства вокруг машины собралось много людей.

Один из приехавших людей, побывавший с работниками сельсовета, поднялся на крышу машины, и, размахивая руками, начал говорить. Но толпа, не зная языка говорящего, не желала его слушать — митингующие считали, что это они должны говорить, а их должны выслушать.

Ни одна сторона не уступала друг другу, все кричали. Через некоторое время народ увидел человека в кузове автомашины, который направил дуло винтовки на собравшихся. Представитель погранкомендатуры несколько раз выстрелил в воздух и в толпу. Это вызвало панику.

Когда первый шок прошел и толпа рассеялась, стало понятно, что одного человека, Турсунхана Джуманова, застрелили. Второй, тяжело раненный Калкабай Чукаев, лежал недалеко от автомашины, но вскоре он тоже умер. К вечеру стало известно еще об одном тяжело раненом от шальной пули: Бегинбеков Расул умер через два дня.

ОГПУ Кош-Агачской пограничной комендатуры открыло «черный список» участников митинга в селе Актал. Завели уголовное дело с громким названием «О раскрытии крупной контрреволюционной повстанческой организации в Кош-Агачском аймаке».

Карательный отряд ОГПУ месяцами рыскал по урочищам, по зимним и летним стойбищам жителей Кош-Агачского аймака. Искали и находили все новые данные о контрреволюционерах, готовящих свержение советской власти. Тех, кого считали причастными к митингу, арестовывали. Если с 1929 г. репрессивные меры применялись к богатым и зажиточным, то в связи с собранием 8 марта 1930 г. уже все мужское население попало в «черный» список подозреваемых. В итоге сотни людей оказались за решеткой ОГПУ.

В обвинительном заключении по делу № 298 о контрреволюционной повстанческой организации, хранящемся в архиве ФСБ г. Горно-Алтайска, говорится:

«Ойротским облделом ПП ОГПУ по ЗСК раскрыта крупная контрре-

волюционная повстанческая организация, систематически на протяжении нескольких лет проводившая антисоветскую срывательскую работу и готовившая массовое вооруженное восстание в аймаке с целью свержения власти Советов.

Руководящую роль в к-р организации играли муллы, баи, их сыновья и бывшие активные бандиты банд Кайгородова и Сатунина.

По социальному положению участниками к-р организации являлись баи, муллы, камы, б/правители этого района при царе (зайсан (князь б/судья), сыновья б/зайсанов (князей), мулла, баев, торговцев, б/активные бандиты и контрабандисты, связанные между собой на почве общего недовольства советской властью, к-р деятельностью в прошлом — (бандитизм, пособничество бандам), а также родственными узами.

Возникновение к-р организации, относится к 1923 г. первоначально с зарождения байско-мулльской к-р группировки, руководимой б/зайсанами, б/судьями влиятельными баями и муллами, которые, сохранившись до 1929 г., объединив за этот период вокруг себя баев, мулл, камов, а также сыновей баев, б/зайсанов, б/бандитов и прочий к-р элемент, и оформи-

организации в составе следующих 54 человек (далее список имен. — Примеч. ред.)».

Согласно выписке из протокола № 260 заседания Особой Тройки ПП ОГПУ Западно-Сибирского края от 7 июля 1931 г. постановило 27 из 54 человек расстрелять.

1933 г. Поручители и шпионы

До конца 1932 г. волна репрессий в связи с событиями 8 марта продолжалась. В 1933 г. нашелся новый повод — так называемое уголовное дело Мината Шамова, председателя бедняцко-крестьянского общества, члена исполкома Казахского сельского совета. Ему было доверено строительство школы для детей бедных и крестьян в селе Актал. Средства на строительство Шамов должен был находить сам, за счет сбора скота с семей бедноты и крестьян. Он с поставленной задачей справился успешно. В 1925 г. впервые советская школа начала обучать детей в селе Актал, в приспособленном домике, конфискованном у Абдолдановых. Строительство пристройки школы завершилось к 1930 г. Учеба детей за время строительства не прекращалась.

АЛТАЙСКАЯ ПОВЕСТЬ

лись в к-р организацию, став на путь подготовки вооруженного свержения соввласти в аймаке.

К моменту ликвидации к-р организации имела к-р группы в урочищах: Тобелер, Чок-Карагай, Акарал, Сортогой, Карасу, Байзин, Корлеи, Актал, Кок-Яр Казахского с/совета и в ур. Коктал, Сайлозем, Бар-Баргузы, Кокоре, Бошту, Кокоринского с/совета Кош-Агачского аймака.

Руководящее ядро к-р организации было связано с руководящими к-р центрами, находящимися в Китае, откуда и получали указания дальнейшей к-р работы к подготовке вооруженного восстания.

Конечной целью к-р организации являлось свержение соввласти путем поднятия вооруженного восстания в мае-июне 1931 г. при помощи бандотрядов из-за границы.

Деятельность к-р организации на протяжении всего периода ее существования была направлена на срывательскую работу в аймаке, развал колхозов, проникновение в состав с/советов аймака, против контрактации, советских школ и других мероприятий соввласти в аймаке, подготовка кадров к-р элемента для вооруженной борьбы с совластью.

В результате деятельности к-р организации в течение 1930 г. на почве недовольства раскулачиванием в Кош-Агачском аймаке было поднято восстание казахов, которое благодаря неорганизованности вылилось в массовую волынку казахского населения.

По данному делу суду Особой Тройки при ПП ОГПУ по ЗСК передаются актив к-р повстанческой

После сдачи школы в эксплуатацию по жалобе провели проверку соответствия расходов и выполненной работы. Обнаружили недостачу 500 рублей — разницу в стоимости мелкого скота, использованного на питание рабочим. Проверяющим показалось, что слишком дешево оценена стоимость овец, отпущенных на питание. Шамов объяснял, что эти овцы были использованы для питания наемных работников и оценены по более низкой цене. А если питание работников будет дорогим, то им нечего будет получать по окончании работы. Доводы сочли неубедительными, нанесенный материальный ущерб требовала погасить. Шамов считал, что его расходы оправданны, и платить отказался. Дело передали в суд. Суд приговорил вернуть эту сумму и осудил его на 3 года лишения свободы. Тогда он обратился к односельчанам Абилгазы Таукену, Касымкану Битуганову, Абилкасыму Алимканову, чтобы его взяли на поруки. Ему требовалось время, чтобы съездить в Москву «за правдой». Кош-Агачский суд Шамова отпустил на один месяц, взяв подписку от троих поручителей в том, что они за Шамова ручаются, что он через месяц явится в суд, а если не вернется, те отвечают головой. Шамов, вернувшись из Москвы, никому не показываясь, сбежал в Китай.

После истечения месячного срока Кош-Агачский суд вызвал троих поручителей, и 26 марта 1933 г. их арестовали. За то, что Шамов в указанный срок в суд не явил-

ся, Алимканова лишили свободы на 5 лет, Битуганова — на 10 лет. Таукенов был тайным представителем ОГПУ. Его обязали ехать в Китай, найти Шамова и живым доставить в Кош-Агачский суд. Но он не смог это сделать. Таукенова арестовали 11 сентября 1937 г. и расстреляли 30 декабря 1937 г.

Со времени побега Шамова для жителей Кош-Агачского аймака начался новый виток трагической истории. Работники комендатуры пустили слух о том, что Шамов

будет доставлять из Китая в Кош-Агач оружие, а его земляки готовятся к свержению советской власти, что Шамов имеет связь с японской и китайской армиями.

Под этими предлогами представители пограничной службы могли арестовать любого, обвинив его в связи с Шамовым. Почти все задержанные признавались и подписывались под обвинительным заключением ОГПУ.

В это время Шамов находился в трехстах километрах от Кош-Агача. Он старался поглубже спрятаться, чтобы не попасть на глаза знакомым.

С 1933 по 1939 г., пока не поймали Шамова, ОГПУ перевыполнило план по раскрытию банды, связанной с Японией и Китаем. Посадили многих кошагачцев как врагов народа, работавших в пользу другого государства. В 1940 г. Шамова привезли в Кош-Агач и судили.

Ни одного случая встречи с земляками работники ОГПУ доказать не смогли — их не было и не могло быть. Шамов сообщил суду, что он, наоборот, избегал встречи с земляками не только в Кош-Агачской земле, но и в Китае. Он сказал: «Неужели я не знаю, что за мной устроена слежка. Первая встреча в Китае со знакомым привела бы меня сюда и меня бы давно отправили на тот свет». За годы пребывания Шамова в Китае ОГПУ были сфабрикованы более 40 уголовных дел против людей, якобы встречавшихся с ним на Кош-Агачской земле. По этим уголовным делам были привлечены к уголовной ответственности и репрессированы около ста человек.

1937 г. Мифический штаб

Невозможно забыть еще одно чудовищное издевательство над людьми в разгар массовых репрессий 1937 г.

В томе № 1 дела № 395-пф УИКВД Алтайского края за 1937 г., находящемся в Архиве ФСБ, хранится документ, где рассказано, как создавался «штаб», целью которого являлось свержение советской власти.

Бывшему председателю Кош-Агачского аймакисполкома Смаилу Тлеубердинову во время след-

ствия в тюрьме задали вопрос: когда создали штаб и с какой целью. Он рассказал, что летом 1936 г. в Кош-Агач приехал секретарь обкома партии Павел Семенович Хабаров и захотел съездить в Сартогай посмотреть, как идет заготовка сена в колхозах. «Мы поехали верхом на лошадях, его сопровождали я и второй секретарь райкома партии Табаков Семен. Когда мы возвращались, ехали медленно, слушали его наставления. Хабаров тогда сказал, что в Кош-Агаче нужно создать штаб для оказания помощи японцам, когда они придут в Кош-Агач завоевать Советский Союз. Главой штаба назначил меня, заместителем Штаба Табакова Семена. Объяснил цели и задачи создаваемого Штаба. Сказал, вы должны объяснить членам Штаба, что каждый из них должен готовить три человека, готовых встать в ряды людей содействия японцам. В свою очередь те трое должны подготовить таковых людей, так же по три человека». После отъезда П.С.Хабарова на второй день собрали людей и создали Штаб из 15 человек. Членам Штаба объяснили его цели и задачи.

«Председателем Штаба избрали меня, моим заместителем избрали второго секретаря райкома партии Табакова Семена. Членами штаба избраны Бадиров Ямансары, Кукаев Ботакан, Есимов Кыйнаят, Калиев Кажыке, Катучинов Якшыбай, Атшабаров Кусайын, Сакабанов Калдыш, Телешов Амыр, Далымбаев Мухтасыр, Халелов Зиянур, Тымтышев Сурабай, Чанханов Имамади, Акчалов Чочко. Под текстом такого содержания, отпечатанным на машинке, поставил свою подпись Тлеубердинов Смаил».

Как подписывался документ с таким содержанием, остается только догадываться. Выдуманный работниками ОГПУ ложный штаб стал основным аргументом для репрессий против мужского населения целого аймака. Первого попавшегося мужчину могли забрать как подозреваемого, после очередной пытки он становился обвиняемым, признавая, что он имел задание от штаба, что у него есть еще двое сообщников. А эти двое «сообщников» знать не знали, что такое Штаб. Но по истечении двух-трех дней, после усиленной «обработки», они не только признавали, кто с кем говорил и что состоят в одной группе по выполнению заданий Штаба, но и называли имена других сообщников. Так каждый обвиняемый за собой ташил по два человека, а эти двое называли имена четвертых и т.д. Таким методом ОГПУ, никуда не выезжая, узнавали «врагов народа». Сколько надо задерживать «врагов народа», столько находили без особого труда.

26 сентября 1937 г. в 3 часа ночи было расстреляно 30 «врагов народа» из нашего района, среди них были и члены так называемого Штаба.

Таким образом, за эти годы в Кош-Агачском районе были арестованы и репрессированы более тысячи человек, в том числе казахов — 477, теленгитов — 438. Кроме того, не вошли в список репрессированных более 40 женщин — казашек с детьми. Детей было около ста. Если учесть, что в 1927 г. в Кош-Агачском аймаке проживал 5801 человек, репрессии коснулись каждого шестого жителя нашего района. При этом точных данных о численности репрессированных до сих пор нет.

Пионер МУХТАСЫРОВО,
председатель общества «Мемориал»
Кош-Агачского
района Республики Алтай

На снимках: «Контрреволюционеры»
Алтая в 1931 г. Фото из архива ФСБ.
Памятник жертвам политических
репрессий в с. Жана-Аул.
Фото Елижжана Чанханова

СЕРГЕЙ КРОПАЧЕВ: ИНТЕРЕС К ПРОШЛОМУ ОТОШЕЛ НА ВТОРОЙ ПЛАН

В XX веке Кубани — краю хлебному и казачьему — пришлось пережить не меньше, чем многим российским регионам. Гражданская война и установление советской власти, голод 1933 г., после которого до сегодняшнего дня не удалось восстановить численность населения станиц, страшные пологота гитлеровской оккупации и последующее клеймо «жил под немцами»... Параллельно с этим шло расказачивание, репрессии в отношении духовенства. В общем, «работы» — страшной, вытравливающей все человеческое и живое — у краснодарских чекистов хватало. Как сегодня непочатый край работы у тех, кто по скупым крупицам архивных материалов восстанавливает историческую правду о жертвах репрессий.

Власти Краснодарского края (кстати, как административно-территориальная единица регион образовался в роковом 1937 г.) немало говорят о трагическом опыте прошлого. Но, как правило, все разговоры и мероприятия сводятся к одной группе пострадавших от репрессий — казакам. Однако краевое отделение «Мемориала» занимается восстановлением исторической справедливости и увековечением памяти жертв политических репрессий в отношении всех, кто пострадал от государственного террора. «Мемориал» не выделяет отдельные группы репрессированных, по крупицам собирая информацию о каждом, кто попал под жернова карательной машины.

Как и в ряде других регионов, отделение «Мемориала» на Кубани было создано в 1989 г. За 25 лет в небольшом коллективе Краснодарского «Мемориала» сложились добрые традиции, совместные с представителями других общественных организаций и органов власти мероприятия. Одно из них — международная научная конференция «Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР».

«Первая конференция прошла в 2002 г. Тогда на ней выступили 10–15 человек. На последней, в 2011 г. (из-за недостатка ресурсов она проходит раз в два года, очно и заочно. — Примеч. ред.), в ней участвовали более 80 специалистов из 20 городов России, а также из Украины, Армении, Казахстана и Японии. В их числе как известные ученые, такие, как Николай Федорович Бугай, так и начинающие исследователи, аспиранты, студенты старших курсов», — рассказал корреспонденту «30 октября» председатель правления краевого отделения российского общества «Мемориал» доктор исторических наук Сергей Кропачев. По итогам последней конференции издан 600-страничный сборник докладов и выступлений.

В этом году конференция намечена на 2–3 ноября. Она будет проведена совместно с уче-

ными Кубанского государственного университета, с ректором которого Михаилом Астаповым на этот счет достигнута договоренность. По итогам этой конференции планируется издать уже двухтомный сборник докладов. Отдельной секцией конференции станет обсуждение форм и масштабов репрессий в 1930–1940-е годы.

Другое важное направление работы кубанского «Мемориала» — увековечение памяти жертв политических репрессий, поиск материалов о репрессированных, издание Книг памяти. По словам Сергея Кропачева, в этом отношении с администрацией региона и краевым управлением ФСБ найдено взаимопонимание. Еще в 2002 г. губернатор Краснодарского края Александр Ткачев подписал распоряжение об издании Книги памяти жертв политических репрессий. Всего за 11 лет издано 5 томов («30 октября» подробно рассказывала о последнем вышедшем томе в № 111). Сейчас готов шестой том — он уже набран, идет сбор материала для седьмого.

Точное число репрессированных кубанцев вряд ли когда-нибудь удастся назвать. Кто сосчитает умерших от искусственного голода, затравленных за казачье происхождение или исповедание православия? К тому же до сентября 1937 г. не существовало самостоятельного Краснодарского края, территория которого вместе с Ростовской областью и Адыгейей входила в Северо-Кавказский, а затем Азово-Черноморский край.

В пяти томах краснодарской Книги памяти, основанной на рассекреченных архивных материалах местной ФСБ, опубликованы биографии более 13 тысяч человек, репрессированных с 1920-х годов до начала 1950-х годов. «Мы публикуем данные по мере поступления анкет репрессированных. Каждый том построен в алфавитном порядке, но в целом разделение по алфавиту, или по годам репрессий, или по городам и районам края

пока сделать невозможно», — отметил председатель правления Кубанского «Мемориала». Над составлением каждого тома (а это очень кропотливая исследовательская работа) трудятся всего четыре человека: специалист архива ФСБ, сам Кропачев и двое его помощников.

Говоря о проблемах, с которыми сталкивается краснодарское отделение общества, сотрудники перечисляют, пожалуй, общие для всех отделений: нехватку финансирования и волонтеров, дефицит помещений. «Да и интерес к этой теме, который был в конце 1980-х — начале 1990-х годов, не сравнить с сегодняшним, — сожалеет Сергей Кропачев. — Тогда был всплеск, огромное количество людей интересовались темой репрессий, были еще живы многие из оказавшихся в ГУЛАГе. Сегодня бытовые и социальные повседневные проблемы уводят внук и правнук репрессированных от интереса к прошлому их семей и всей страны. Не сказать, чтобы интерес к исторической памяти ослаб, просто он отодвинулся на второй план».

Но и сегодня в Краснодарском крае живут жертвы политических репрессий. «Мемориал» как может старается им помочь. Так как возможности у общества небольшие, чаще всего помощь ограничивается консультированием по социально-правовым вопросам, разъяснением их законных прав, обращением в органы социальной защиты, медицинские учреждения. Доброй традицией стала бесплатная подписка на краевые газеты и журналы — редакции, как правило, идут навстречу. Словом и делом поддерживать репрессированных всегда старается заместитель председателя правления Виктор Гаскевич.

Среди людей, на которых сотрудники «Мемориала» стремятся равняться, чьи жизненные и стойкость служат для них примером в жизненных невзгодах, — член правления краевого отделения Евгения Белоусова. Актриса Краснодарского театра оперетты,

заслуженная артистка РСФСР, исполнившая десятки ярких запоминающихся ролей, Евгения Михайловна с лихвой хватила испытаний в немецком и сталинском концлагерях.

В годы Великой Отечественной войны она сражалась в партизанском отряде, была связной, в 1944 г. попала в плен к фашистам. Когда на исходе войны двадцатилетняя девушка добралась до своих, то угодила в сталинские лагеря. Но и там тяга к искусству не оставляла Женю Белоусову — от концертмейстера Кировского (ныне Мариинского) театра Сергея Пруднинского она «заразилась» любовью к классической музыке. Вокальную школу прошла в воркутинском театре, который в те годы по уровню «звездности» и мастерства не уступал столичным подмогкам. Там она в 22 года спела Ольгу в «Евгении Онегине» Чайковского, Керубино в «Свадьбе Фигаро», Любашу в «Царской невесте» и даже царевича Федора в «Борисе Годунове»... День 27 января 1954 г. стал для Евгении Белоусовой последним днем лагерной жизни. Так как в ставший родным Ленинград возвращаться запретили, она отправилась на работу в краснодарский Театр музыкальной комедии и так и осталась в кубанской столице.

«Будучи в преклонном возрасте, Евгения Михайловна нуждалась в дополнительной поддержке. Мы вмешались в ее судьбу и помогли. Теперь ей ежедневно помогают по хозяйству волонтеры. Мы ее навещаем, морально поддерживаем. А она служит для нас примером воли к жизни и стойкости», — делится Сергей Кропачев.

Краевое «Мемориал» активно сотрудничает и с рабочей группой по канонизации новомучеников и исповедников российских при Кубанской митрополии. Специальный раздел — о репрессированных священниках и мирянах — создан на сайте отделения.

По данным историков, только за весну и лето 1918 г. в

Кубанской области большевики казнили 43 священнослужителя, в начале 1920-х годов при изъятии церковных ценностей — еще более 100 представителей духовенства. Среди репрессированных были и архиереи. Один из них — архиепископ Феофил (Богоявленский). В первый раз большевики судили его в 1921 г., затем были ссылка, заключение в Бутырской тюрьме, из которой он был освобожден по личному ходатайству местоблюстителя патриаршего престола митрополита (с 1943 г. — патриарха) Сергея (Страгородского). Но на свободе владыка Феофил пробыл менее трех лет — в январе 1933 г. его вновь арестовали, обвинив в поддержке и рукоположении странствующих священников. В апреле того же года заболевшего тифом в тюрьме архиепископа расстреляли. По его делу проходили около 20 священников и мирян. Все они были расстреляны.

Усилия духовенства и «Мемориала» не прошли даром: сегодня не только восстановлены имена многих репрессированных кубанских батюшек, но пятеро из них, казненных в 1921 г., канонизированы для общецерковного прославления.

Тысячи судеб, незаконно превращенных решениями «троек», ждут своего часа, чтобы уже навсегда остаться на страницах Книг памяти, а значит, и в памяти потомков. Международные конференции помогут осознать и сделать выводы из того мороза, в котором жила наша страна в 1930–1940-е годы, напомнить нынешней власти об опасности «закручивания гаек» и борьбы с «безродными космополитами».

Андрей КОШИК,
собственный корреспондент
интернет-издания «Кавказский узел»
www.kavkaz-uzel.ru
специально для «30 октября»
Краснодар

На снимке: Сергей Кропачев.
Фото из архива Краснодарского
«Мемориала»

УКРАИНА: ПРОСВЕЩЕНИЕ ЗАКЛЮЧЕННЫХ И РАСКРЫТИЕ АРХИВОВ

На Украине предпринимаются ряд мер по сохранению памяти о жертвах политических репрессий. В Донецке наблюдательная комиссия, занимающаяся проблемами и правами осужденных и освобождаемых лиц, разослала по области письмо, в котором высказывалось желание рассказать осужденным о жертвах политических репрессий. Инициатива проведения лекций на эту тему принадлежит Донецкому «Мемориалу». Корреспондент «30 октября» узнал подробности предстоящих мероприятий у руководителя правозащитной организации Донецкий «Мемориал» Александра Букалова.

Ранее Правительство Украины утвердило план мероприятий по усилению социальной защиты бывших политических заключенных, репрессированных и членов их семей, одним из пунктов которого является открытие ранее засекреченных архивов. Однако, Евгений Захаров, член правления Украинского Хельсинкского союза по правам человека, сенсационных открытий в архивных документах не ожидает.

Донецкая инициатива

«Наша организация обратилась в управление пенитенциарной службы Донецкой области и в областную наблюдательную комиссию с идеей провести лекции о жертвах политических репрессий для заключенных колоний, находящихся в Донецкой области», — рассказал

Александр Букалов. — «Власти нас поддержали одобрили. Честно говоря, не думал, что договориться об этом будет так просто».

Сотрудники Донецкого «Мемориала» разослали письма в наблюдательные комиссии области, где находятся колонии, с просьбой провести лекции. «По официаль-

ным данным, полученным нами из КГБ Донецкой области в 1991 г., было репрессировано около 40 тысяч человек. Речь идет о пике репрессий в 1937–1938 гг., — поясняет Букалов. — В 1937 г. было дано распоряжение о том, сколько и по каким категориям должно быть репрессировано людей по

Донецкой области. У меня эта информация есть».

Целью проведения лекций в колониях, по замыслу инициаторов, является знакомство заключенных с этим периодом истории своей страны. «У молодых людей, отбывающих различные сроки наказания в этих колониях, вообще нет информации о жертвах политических репрессий. Теперь они смогут узнать об этом и понять, как работала репрессивная машина», — отмечает руководитель правозащитной организации Донецкий «Мемориал».

Проведение лекций приурочено ко Дню памяти жертв политических репрессий. Напомним: с 1998 г., согласно указу президента Украины Леонида Кучмы, в чет-

вертую субботу ноября отмечался День памяти жертв голодомора и политических репрессий. Согласно указу президента Украины Виктора Ющенко от 21 мая 2007 г., День памяти жертв политических репрессий отмечается отдельно в третье воскресенье мая.

Наблюдательные комиссии, занимающиеся проблемами и правами осужденных и освобождаемых лиц, в которые входили представители общественности, существовали еще в советские времена, рассказал Александр Букалов. «Эти комиссии, половину которых составляют представители органов власти, существуют и сейчас. Они

Окончание на с. 11 ➤

Русский философ И.Ильин писал: «Когда однажды пробьет час непредвзятого исследования русской истории и выяснится число уничтоженных, заключенных в лагерь, изгнанных и сосланных людей, мир не поверит ни глазам своим, ни ушам».

В 1954 г. органы госбезопасности в докладной записке для Н.С.Хрущева отмечали, что за период с 1921 по 1953 г. по статье 58 УК РСФСР и соответствующим статьям УК союзных республик были осуждены 3 777 380 человек, из которых 642 980 человек расстреляны. Но в записке не были учтены другие формы репрессий, такие, как ссылка, спецпоселения, административные выдворения, а это миллионы людей.

Работники УФСБ по Хабаровскому краю во главе с начальником подразделения А.П.Лавренцовым установили, что по Хабаровскому краю был реабилитирован 29 431 человек, из которых 9 935 человек помертно.

ской комиссии, которая на заседании 13 октября 2008 г. отказала «Мемориалу» в просьбе.

В протоколе заседания комиссии приводятся доводы выступавших. Ответственный секретарь краевого отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры Тамара Бессолицына посчитала, что «память жертв политических репрессий уже увековечена в Хабаровске памятным знаком возле Института культуры и мемориальным комплексом на центральном городском кладбище». Председатель городской комиссии по увековечению памяти о выдающихся событиях и личностях Валентина Платонова отметила, что «текст доски вызывает негативные эмоции».

Ко второму заседанию комиссии 29 апреля 2009 г. пакет документов дополнили газетные публикации, показания свидетелей, обращение VIII отчетной конференции, фотографии подобных мемориальных

по Хабаровскому краю принципиальных возражений против установки мемориальной доски на фасаде здания по адресу ул. Волочаевская, 146 в память о жертвах политических репрессий с упоминанием о нахождении в указанном здании внутренней тюрьмы УНКВД не имеет».

21 декабря 2009 г. состоялось очередное, третье заседание комиссии, которая, рассмотрев все документы, вынесла положительное решение, но попросила скорректировать текст: «Здесь, во дворе этого дома, во внутренней тюрьме УНКВД по ДВК, в годы сталинских репрессий были расстреляны тысячи безвинных граждан. Светлая память погибшим. ХДК «Мемориал». С таким изменением текста — без упоминания числа расстрелянных и политических причин — «Мемориал» согласился.

В мае 2010 г. у мэра города спросили, почему нет решения городской думы по установке доски, на что он ответил: «Меня попросили притормозить и взяли пакет до-

предоставить копии архивных документов, подтверждающих историческое событие. Объяснения бывшего начальника внутренней тюрьмы НКВД по ДВК не являются архивным документом».

«Мемориал» обратился в УФСБ с просьбой дать копию этого объяснения.

Начальник управления А.С.Демин объяснил, что она находится в областной прокуратуре: «Подлинник объяснения, полученный из Управления КГБ УССР по Одесской области, в апреле 1989 г. направлен в прокуратуру Хабаровского края для проведения расследования и документального установления мест захоронений...»

Ответ прокуратуры на запрос о выдаче копии объяснения бывшего начальника тюрьмы краток: «установить документально факт поступления такого объяснения не представляется возможным ввиду уничтожения по истечении срока хранения журнала учета вхо-

ния в положение «О мемориальных досках», когда историческое событие подтверждается косвенными свидетельскими показаниями. Ответ последовал незамедлительно: «Предлагаемая формулировка для внесения в Положение «содержит коррупционную составляющую». Очевидно, по мнению гордумы, инициаторы установки мемориальной доски хотят внести изменение в городской закон с выгодой для себя.

А.П.Лавренцов рассказал, что в ответ на постановление ЦК КПСС от 30 июня 1989 г. об увековечении памяти жертв репрессий периода 1930–1940-х и начала 1950-х годов, а также на постановление бюро крайкома КПСС от 18 июля 1989 г. об активизации работы по реабилитации... был составлен и передан в краевой комитет КПСС отчет УФСБ, в котором имеется все, что требует администрация города. Однако в краевом архиве

ВНУТРЕННЯЯ ТЮРЬМА НКВД ХАБАРОВСКА ПРЯЧЕТ СВОИ СЕКРЕТЫ

Не первый год длится история с установкой мемориальной доски в Хабаровске на фасаде дома № 146 по ул. Волочаевской. В 1930-е годы во дворе этого здания была внутренняя тюрьма НКВД, где расстреляли тысячи заключенных. Несмотря на документы, предоставленные инициаторами установки мемориальной доски, местная администрация считает недоказанным факт того, что расстрелы производились именно здесь.

Имена этих людей занесены в шеститомное издание книг-мемориала «Хотелось бы всех поименно назвать». По сведениям «Мемориала», в Хабаровске с июля 1937 г. по октябрь 1938 г. было расстреляно от 9 до 11 тысяч человек. Более точная цифра не приводится, поскольку судебные дела на военнотрудовых, например, отправлялись в Москву, откуда возвратит их не удалось даже в пору реабилитации.

Из свидетельских показаний, воспоминаний очевидцев известно, что суды и вынесение приговоров, в том числе и к высшей мере наказания, в Хабаровске происходили во внутренней тюрьме по адресу: ул. Волочаевская, 146.

Краевое движение «Мемориал», зная масштабы деяний карателей в этой тюрьме, выступило с инициативой установить на фасаде здания мемориальную доску в память о невинно убитых с примерно таким текстом:

«Здесь, во внутренней тюрьме НКВД, в годы сталинских репрессий были расстреляны по политическим мотивам около 11 тысяч жителей Дальневосточного края. Помертно реабилитированных. Светлая память погибшим».

Необходимые документы были подобраны и представлены город-

досок. На этот раз комиссия отнеслась к инициативе с пониманием и рекомендовала определить конкретное место установки на фасаде здания, указать размеры доски, получить согласие владельца здания и главного художника города.

Все пункты протокола заседания были выполнены, кроме одного — копий архивных документов, подтверждающих достоверность событий, происходивших в тюрьме.

Администрация города и «Мемориал» запросили такое подтверждение у УФСБ по Хабаровскому краю.

В ответных письмах УФСБ подтвердило, что расстрелы происходили в самой тюрьме и что принципиальных возражений на установку доски оно не имеет.

В письме от 2 июня 2009 г. сообщается, что «в коллекции материалов по реабилитации есть объяснение бывшего начальника внутренней тюрьмы НКВД в 1940-е годы, что расстреливали лиц, приговоренных к ВМН, в самой тюрьме, но местоположения тюрьмы и количество расстрелянных он не указывает. В управлении ФСБ России по Хабаровскому краю официальных документальных материалов о внутренней тюрьме УНКВД-УНКГБ-УМНБ и количестве в ней расстрелянных граждан не имеется».

В ответе от 30 ноября 2009 г. говорится: «Управление ФСБ России

документов для ознакомления». Кто взял, мэр не ответил.

После этого пошла утомительная переписка «Мемориала» с администрацией города и УФСБ.

Заместитель мэра по социальным вопросам С.И.Шевченко потребовала согласия УФСБ на установку доски, заменив в тексте их письма «принципиально не возражаем» на «принципиальное согласие».

Однако свою позицию УФСБ не изменило, но еще раз подтвердило, что в этой тюрьме действительно происходили массовые расстрелы лиц, приговоренных к высшей мере наказания.

«Как следует из объяснения бывшего начальника внутренней тюрьмы НКВД по ДВК, в период с 1943 по 1948 г. «массовые расстрелы репрессированных происходили в 1937–1938 гг. в городе Хабаровске...» «расстреливали лиц, приговоренных к высшей мере наказания, в самой тюрьме...» Другой, более подробной информации о конкретном месте расстрела репрессированных лиц в объяснении бывшего сотрудника НКВД, к сожалению, не имею. Заместитель начальника Управления Ю.Б.Вакалов».

Такое объяснение Шевченко не удовлетворило. «В соответствии с п. 9.3 Положения об установке мемориальных досок на территории г. Хабаровска..., администрация города совместно с заявителем обязана

для корреспонденции за 1989–1990 гг.». То есть прокуратура не знает, где искать оригинал объяснения, и выяснить это не может.

Собравные Александром Лавренцовым свидетельства людей, чьи родные погибли за стенами внутренней тюрьмы, данные, опубликованные в книге Александра Сутурина «Дело краевого масштаба», подготовленной с использованием судебных следственных дел, материалов краевого управления ГБ, документов государственного и партийного архивов, шесть томов Книги памяти с воспоминаниями и свидетельствами — это все только косвенные доказательства.

«Мемориал» обратился к председателю городской думы С.Н.Савкову с просьбой внести измене-

документы также не обнаружили. Круг замкнулся. Вызывает сомнение тот факт, что в УФСБ не осталось никаких архивных документов.

УФСБ предложило свой вариант текста: «Во дворе этого здания в годы репрессий (1935–1939) находилась внутренняя тюрьма». О расстрелах — ни слова.

Согласиться с такой формулировкой «Мемориал» не может.

Светлана КОЛЕСНИКОВА,
Председатель правления Хабаровского краевого движения «Мемориал»

На снимке: Строевая подготовка личного состава хабаровской внутренней тюрьмы, 1930-е гг.

Фото из архива Хабаровского «Мемориала»

➤ Окончание. Начало на с. 10

занимаются оказанием социальной помощи освобожденным — такие пристройки к государственной машине. Эти комиссии достаточно эффективно работают, если не затрагивать права человека, — с этим дела обстоят на уровне Средних веков», — пояснил правозащитник.

В каждой административной единице Украины создается наблюдательная комиссия. Вопрос о ее создании решается в каждом отдельном случае индивидуально. Кроме того, в каждой области создается областная наблюдательная комиссия. Александр Букалов является заместителем председателя Донецкой областной комиссии.

В Украине всего 180 колоний. Больше всего — 20, находится в Донецкой области. Инициатива Донецкого «Мемориала» касает-

ся только Донецкой области, куда распространяется компетенция комиссии, подчеркивает Букалов. Он намерен изучить донецкий опыт и на его основе обратиться к руководству пенитенциарного ведомства с предложением провести лекции о жертвах политических репрессий по всей Украине.

«Я посмотрю, как это пройдет, и, вполне возможно, в ноябре обращусь к руководству пенитенциарного ведомства, основываясь на донецком опыте, с предложением сделать это в масштабах Украины», — рассказал правозащитник.

Букалов считает, что о жертвах политических репрессий надо говорить во всех учебных заведениях. «У нас ежегодно проходит траурный митинг, на который приходят 150–200 человек из близлежащих школ, — говорит он. — Выступят на нем родственники жертв политиче-

ских репрессий, и до следующего года никто об этом не вспоминает. Я считаю, что о жертвах политических репрессий надо говорить и в школах, и в вузах, но у меня нет доступа к рычагам управления этими структурами. Сегодня, по моему мнению, это не делается не потому, что кто-то может быть против, а потому, что никто не выступил с подобной инициативой».

На Украине рассекречивают архивные документы КГБ

Распоряжением кабинета министров Украины утвержден план мероприятий правительства по усилению социальной защиты бывших политических заключенных, репрессированных и членов их семей на период до 2015 г. План состоит из 13 пунктов, последним из которых значит-

ельно «принять меры для публикации в открытом доступе рассекреченных архивных документов о политических репрессиях в Украине». Член правления Украинского Хельсинкского союза по правам человека Евгений Захаров сомневается, что в рассекреченных архивах можно будет обнаружить сенсационные факты.

«Работа с архивными документами активно ведется с 2009 г. За этот период пересмотрен весь архивный фонд КГБ советского периода. На сегодняшний день рассекречено 95% архивного фонда. Оставшиеся 5%, в соответствии с законом Украины о государственной тайне, остаются под грифом «секретно», — рассказал Евгений Захаров. — Я сам кое-что видел и читал из этих документов и понял для себя, что там особо нечего было засекречивать — ничего качественно нового я для себя там

не нашел. Все это могло быть в публичном доступе уже давно».

Часть архивных документов можно увидеть в залах общего доступа в архивах службы безопасности. База данных постоянно пополняется — процесс этот трудоемкий и требует определенных затрат, пояснил Захаров. Вместе с тем правозащитник сомневается, что сможет узнать для себя что-то новое из рассекреченных документов. «Я занимаюсь вопросом политических репрессий давно. В рассекреченных архивных документах можно найти подтверждение каких-то данных, но сделать какое-то открытие, которое перевернуло бы историю, — я не думаю».

Елена ХРУСТАЛЕВА,
собственный корреспондент интернет-издания «Кавказский узел»
www.kavkaz-uzel.ru
специально для «30 октября»

АПРЕЛЬСКИЕ И МАЙСКИЕ ХРОНИКИ

1918. апрель

В системе Наркомата юстиции создан Центральный карательный отдел (ЦКО) — первый пенитенциарный орган советского государства. В служебной инструкции были сформулированы два основных принципа тюремной политики социалистического правительства — самокупаемость (доход от труда заключенных должен покрывать расходы на содержание мест заключения) и полное перевоспитание. Практически вся инструкция не соответствовала положению дел в стране. ЦКО не мог ни обеспечить заключенных работой (в 1918 г. было занято трудом 2% заключенных), ни заставить местную администрацию следовать своим указаниям. ЦКО почти не имел связи с провинцией. В октябре 1921 г. переименован в Центральный исправительно-трудовой отдел (ЦИТО).

1928. 16 апреля

В Берлине умер Павел Аксельрод — старейший русский революционер, один из основателей социал-демократического движения в России. Большую часть жизни, за исключением весны-лета 1917 г., он провел в эмиграции. До 1917 г. Аксельрод преследовался властями за революционную деятельность. Он придерживался правых меньшевистских взглядов, выступал против большевиков, вплоть до вооруженной интервенции. Считал «большевистский переворот» «колоссальным преступлением и ничем иным».

1933. 12–18 апреля

Верховный суд СССР в Москве рассматривал дело о «вредительстве на электрических станциях СССР» (дело «Метрополитен-Виккерс»). Оно было инициировано после аварий на Челябинской, Зуевской (Донбасс), Златоустовской электростанциях. Кроме 12 советских специалистов — инженеров и работников крупных электростанций, в организации систематических аварий и шпионаже обвинялись также 6 английских инженеров — В.Макдональд, А.Монкгауз, Л.Торнтон и другие. В судебном слушании англичане отказались от показаний, данных на предварительном следствии, и заявили, что на них оказывали психологическое давление. Историк Никита Петров полагает, что обвинение во вредительстве было предвзятым: «Уже с 1927 г. в ОГПУ действовали строгие инструкции: любой поджог или промышленную аварию рассматривать прежде всего с точки зрения возможного «вредительства», немедленно проверять, не действует ли в данном случае рука «классового врага»; сомневается он и в обоснованности обвинений в шпионаже. На процессе в качестве специального корреспондента присутствовал Ян Флеминг, будущий автор романов о Джеймсе Бонде. Все советские подсудимые,

за исключением одного, были признаны виновными и приговорены к тюремному заключению на сроки от трех до десяти лет. Четверо англичан были отпущены, а двое — Торнтон и Макдональд — получили 3 и 2 года тюрьмы. Осужденные англичане были выпущены на свободу и высланы из СССР после вмешательства МИД Великобритании.

1938. 15 апреля

Вышла директива Наркомюста СССР № 13с, согласно которой высказывание террористических намерений, а также одобрение террористических актов должны были квалифицироваться по статье 17-58-8, т.е. как реальные действия — подготовка к совершению преступления. С этого времени все (даже символические и неумышленные) поступки, например неуважительное обращение с изображениями (портретами и скульптурами) вождей партии, а также анекдоты и неодобрительные высказывания в их адрес рассматривались следствием и судом как террористическая деятельность. Подобные дела находились в исключительном ведении военных трибуналов. В общем потоке дел 1930-х гг. выделить тех, к кому применялась данная директива, практически невозможно. Такой учет не велся ни судами, ни ГУЛАГом.

1943. 19 апреля

По постановлению СНК СССР создано управление военной контрразведки СМЕРШ («Смерть шпионам»), подчинявшееся наркомату обороны Сталину. СМЕРШ занимался также фильтрацией солдат, вернувшихся из плена, предварительными зачистками прифронтовой полосы от немецкой агентуры и «антисоветских» элементов, участием в розыске, задержании и ведении следствия по делам советских граждан, действовавших в вооруженных группах, воевавших на стороне Германии. «СМЕРШ» также проводил разведывательную работу по поиску вражеских шпионов и диверсантов среди мирного населения, находившегося в оккупации или угнанного на работу в Германию. По данным некоторых историков, с 1941 по 1945 гг. советскими органами было арестовано около 700 тыс. человек — около 70 тыс. из них расстреляно.

1953. 4 апреля

Опубликовано сообщение Министерства внутренних дел СССР о прекращении следствия по «делу врачей» и их полной реабилитации. В сообщении впервые признавалось, что во время следствия к арестованным применялись «строжайше запрещенные советским законом методы», т.е., проще говоря, пытки. В сообщении содержался намек на то, что жертвой бывшего МГБ стал Соломон Михоэлс. В приказе МВД СССР № 0068, подписанном Л.П.Берия в тот же день были «запрещены применения к арестованным каких-либо мер принуждения и физического воздействия».

1968. апрель

В Москве вышел первый номер «Хроники текущих событий» под редакцией Натальи Горбаневской — машинописный информационный бюллетень московских правозащитников. «Хроника» стала первым отечественным изданием в жанре правозащитного мониторинга и публицистики. Бюллетень выпускался 15 лет. За эти годы он превратился в летопись правозащитного движения и диссидентской активности в СССР. Имена тех, кто готовил выпуски, не оглашались. Н.Е.Горбаневская практически единолично подготовила первые 11 номеров бюллетеня.

В дальнейшем над выпуском обычно трудился небольшой коллектив, в группах-«редакциях» ключевую роль играли люди, бравшие на себя функцию «выпускающего редактора» (А.А.Якобсон, С.А.Ковалев, Г.Г.Суперфин, Т.М.Великанова, А.П.Лавут, Ю.А.Шиханович). Организационные обязанности, связанные с подготовкой и распространением «Хроники», взяла на себя Т.М.Великанова (с начала 1970 г. и вплоть до ее ареста в ноябре 1979 г.). Удалось издать 63 номера «Хроники». Два выпуска не увидели свет — № 59, материалы которого были изъяты КГБ, и последний, 65-й — из-за ареста Ю.А.Шихановича.

1978. 14 апреля

Верховный суд Литовской ССР осудил Балиса Гаюскаса. Среди инкриминируемых ему «преступлений» — перевод на литовский язык «Архипелага ГУЛАГ». Подсудимый не признал себя виновным и отрицал криминальный характер своей деятельности. Гаюскас уже отбыл 25 лет (он сидел при Сталине, Хрущеве и Брежневом) за участие в национально-освободительном движении. На этот раз суд назначил ему 10 лет заключения в колонии особого режима и 5 лет ссылки в республиканской прессе и осуждение Гаюскаса вызвали протесты в Литве и в России. Андрей Сахаров призвал «...честных людей во всем мире, всех, озабоченных соблюдением прав человека, все организации, ответственные за контакты с Советским Союзом, правительственных деятелей Запада, всех литовцев за рубежом — выступить в защиту благородного и мужественного человека трагической судьбы».

1983. 1 апреля

Московский городской суд осудил за «антисоветскую агитацию и пропаганду» Зою Александровну Крахмальникову — литературного критика, журналиста, редактора самиздатского журнала «Надежда». Это было чисто религиозное издание, носившее историко-просветительский характер, принципиально стоявшее вне политики. Крахмальникова была приговорена к 1 году заключения и 5 годам ссылки.

14 апреля

Мосгорсуд направил на принудительное лечение в спецпсихбольницу Владимира Львовича Гершуни — правозащитника, бывшего узника сталинских лагерей, поэта-авангардиста и публициста. Гершуни было предъявлено обвинение по ст. 190-1 УК РСФСР («Распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй») за участие в издании информационного бюллетеня СМОТ (Свободное межпрофессиональное объединение трудящихся). Это была одна из первых попыток создания независимого профсоюза.

1933. 8 мая

ЦК ВКП(б) и СНК СССР утвердили инструкцию «всем партийно-советским работникам и всем органам ОГПУ, суда и прокуратуры». Этим актом прекращались массовые выселения крестьян, продолжавшиеся 3 года, «упорядочивалась» процедура арестов — их отныне могли осуществлять только работники правоохранительных ведомств, а не партийно-советские чрезвычайные структуры, созданные для раскулачивания. Постановление определяло максимальную численность лиц, которые могли содержаться в местах предварительного заключения на весь СССР, — 400 тысяч человек.

1938. 10 мая

Создан Воркутинский ИТЛ, — один из крупнейших лагерей ГУЛАГа, — для строительства шахт и угледобычи на севере европейской части страны. Он просуществовал до 1960 г. Максимальная численность заключенных (в 1951 г.) — 73 тысячи человек.

22 мая

На базе Бамлага создано Железнодорожное строительное управление НКВД на Дальнем Востоке. Входившие в него 8 ИТЛ (общая максимальная численность до 260 тысяч заключенных) более трех лет, до начала Великой Отечественной войны, занимались строительством Байкало-Амурской магистрали от Тайшета до берегов Тихого океана.

1953. 29 мая

Начались волнения в Горлаге (Норильск), вскоре переросшие в массовое неповиновение заключенных. Исследователи «Мемориала» полагают, что термин «восстание» следует воспринимать условно из-за ненасильственного характера сопротивления. Волнения, спровоцированные жестокими действиями администрации (стрельба по жилым зонам, убийства заключенных охраной), стали самыми длительными (два месяца) и массовыми за всю историю ГУЛАГа, в них участвовало несколько тысяч заключенных (в литературе фигурирует цифра 30 тысяч человек). Заключенным удалось установить контроль над территорией лагеря и начать забастовку. Основным ее требованием был пересмотр дел политических узников. Волнения подавили с применением оружия. Данные о жертвах разнятся — от 100 до 200 убитыми и от 200 до 400 ранеными. Летом 1953 г. восстали заключенные Речлага, в мае следующего — 1954 г. — вспыхнули волнения в Степлаге. Там на восставших бросили бронетехнику.

1973. 27 мая

СССР присоединился к Всемирной конвенции об авторском праве. ВААП (Всесоюзное агентство авторских прав) взяло на себя функцию защиты авторских прав советских литераторов. Существует мнение, что целью присоединения к конвенции и создания ВААП было противодействие несанкционированным публикациям советских граждан на Западе, которые предпринимались в обход цензуры. Это мнение выразил в сатирическом письме-памфлете писатель Владимир Войнович: «Кто, думаю, больше всего может беспокоиться об охране своих авторских прав за рубежом? Вероятнее всего, те, кто больше других там издается. Например, А.Солженицын, В.Максимов, А.Сахаров и прочие так называемые диссиденты, извините за модное слово. Было бы естественно предположить, что именно они и вошли в совет учредителей. Но узнав, что председателем совета избран товарищ Стукалин, я сразу отменил это предположение. Нет, сказал я себе самому, товарищ Стукалин такой совет никогда не согласится возглавить...» Но если такое предназначение для ВААП и имелось, то остановить неподцензурные заграничные публикации агентство не сумело.

1978. 18 мая

Московский городской суд вынес приговор основателю и руководителю Московской Хельсинкской группы, физико, члену-корреспонденту АН Армянской ССР Юрию Орлову — 7 лет лагеря и 5 лет ссылки за «антисоветскую агитацию и пропа-

ганду». Процесс над Орловым вызвал широкий международный резонанс (в 1986 г. после 8 лет неволи он был выслан из СССР и лишен советского гражданства).

29 мая

В Москве умер писатель, многолетний узник ГУЛАГа Юрий Осипович Домбровский. Главной темой его прозы стал конфликт человечности и тоталитарного режима. В романе «Обезьяна приходит за своим черепом» (1959 г.) речь идет о нацизме, но в автобиографических книгах события разворачиваются уже в СССР. Одну из них — роман

«Факультет ненужных вещей» удалось издать за границей (1978 г.). В Самиздате циркулировали рассказы Домбровского. В конце 1960-х гг. его подпись появилась под несколькими письмами в защиту преследуемых по политическим мотивам.

1983. 6 мая

Верховный суд Литовской ССР приговорил к 7 годам лагерей и 3 годам ссылки Альфонсаса Сваринскаса — католического священника, участника послевоенного сопротивления, сотрудника самиздатского бюллетеня «Хроника Литовской католической церкви», одного из инициаторов и учредителей Католического комитета по защите прав верующих. Суд счел его деятельность «антисоветской агитацией и пропагандой» (ст. 68 ч.1 УК Литовской ССР, аналог ст. 70 ч. 1 УК РСФСР).

13 мая

Московский городской суд приговорил за «антисоветскую агитацию и пропаганду» к 6 годам колонии строгого режима и 4 годам ссылки Алексея Олеговича Смирнова — правозащитника, редактора самиздатского периодики. В тот же день к 3 годам лагерей строгого режима городской суд г. Ферганы приговорил Юрия (Юсуфа) Османова — одного из лидеров крымско-татарского движения, руководителя Ферганской инициативной группы.

1988. 7–9 мая

В Москве на частных квартирах (последнее заседание — на железнодорожной платформе) состоялся учредительный съезд партии «Демократический союз» — первой полулегальной некоммунистической политической организации в России. Был избран оргкомитет из 14 человек (среди них В.Новодворская и В.Жириновский), принята программа ДС, предусматривающая ненасильственное изменение существующего в СССР строя.

Фото из архива НИПЦ «Мемориал», Москва

Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал», «Московский Мемориал»

Газета издается Информационным агентством Мемо.Ру

Адрес: 127051 Москва, Малый Каретный пер., д. 12, редакция
Тел. приемной: (495)699-1180
Тел. редакции: (495)699-6478
E-mail: 30october@cknot.info

В подготовке номера принимали участие: Г.В.Кузовкин, Я.З.Рачинский

Главный редактор Г.С.Шведов
Выпускающий редактор Н.В.Савельичева
Литературный редактор Л.М.Алексеева
Корректор Г.В.Заславская
Верстальщик В.А.Ходина

Газета «30 октября» зарегистрирована в Министерстве по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Рег. № ПИ 77-1783 от 29.02.2000. © Ссылка при перепечатке или цитировании обязательна

Апрель-Май 2013. Отпечатано в ООО «ОМНИТРЕЙДИНГ»

119334, г. Москва, Ленинский пр-т, д. 30. Тираж — 5000 экз. Распространяется бесплатно